

И.В. Амбарцумов

ПРОБЛЕМЫ И КОЛЛИЗИИ БРАЧНОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Статья посвящена брачному праву Российской империи. Рассматривается ряд спорных ситуаций и казусов, возникавших в связи с толкованием и практическим применением российских брачных законов. В числе освещенных вопросов: брак раскольников в русском праве конца XIX – начала XX вв., законы Российской империи о смешанных браках и их соотношение с каноническими правилами Христианских Церквей, проблема признания в России браков, заключенных за границей, проблема согласования российских брачных законов с провозглашенными в указе 17 апреля 1905 г. принципами веротерпимости, столыпинский законопроект «О семейственных правах» и борьба вокруг него в 1907–1909 гг.

Ключевые слова: церковный брак, гражданский брак, смешанные браки, брачно-семейное право, Православная Церковь, Римско-Католическая Церковь, Евангелическо-Лютеранская Церковь, Армяно-Григорианская Церковь, старообрядцы, сектанты, П.А. Столыпин.

Проблема соотношения между церковным каноническим брачным правом и светскими законами о браке является актуальной для многих государств и религиозных конфессий. Современное российское государство (так же, как ранее советское) признает в качестве юридически обязывающего акта лишь гражданскую регистрацию брачного союза, освящение же брака церковным венчанием является вопросом личного выбора супругов. Факт совершения или несвершения религиозного обряда нисколько не влияет на признание или непризнание данного супружеского союза со стороны государственных органов власти. В связи с этим перед Церковью встает вопрос об отношении к институту世俗ного брака, а также к процедуре гражданского развода. Для сегодняшней Русской Православной Церкви эти вопросы стоят очень остро, они неоднократно затрагивались в различных церковных документах и постановлениях, в

Иван Владимирович Амбарцумов — аспирант кафедры русской истории РГПУ им. Герцена, выпускник Санкт-Петербургской духовной семинарии (ivanrusk@mail.ru).

частности в «Основах социальной концепции РПЦ», принятых Юбилейным Архиерейским Собором 2000 г. Не во всех государствах современного мира ситуация аналогична российской. Есть государства, признающие церковный брак наравне со светским (Великобритания, Дания, Испания, Италия, Канада, Латвия, некоторые штаты США). Существуют также государства, где религиозная форма брачного союза является единственно возможной (Израиль, Иран, Ирак). В странах, где церковный брак признается актом, имеющим юридическую силу, возникают проблемы иного характера. Связаны они, прежде всего, с необходимостью согласования общегосударственных законов о браке с каноническими установлениями различных Церквей и религиозных сообществ, касающимися брачно-семейной сферы. Особенно сложной в такой ситуации является проблема законодательного регулирования смешанных (межконфессиональных) браков. Подобного рода проблемы имели место и в дореволюционной России, где брачно-семейные и бракоразводные дела находились в почти исключительном ведении религиозных организаций.

1. Основы брачного права Российской империи

Светского брака в Российской империи не существовало. Государство признавало браки, заключавшиеся как Православной Церковью, так и официально признанными инославными Церквами и иноверческими религиозными сообществами. Статья 61 Законов гражданских гласила: «Лицам всех вообще Христианских исповеданий невозбранно дозволяется вступать в России между собою в браки по правилам и обрядам их Церквей, не испрашивая на то от гражданского правительства особого разрешения, но с соблюдением ограничений, узаконениями для тех исповеданий постановленных»¹. То есть браки христиан заключались исключительно по обрядам их Церквей, но при этом должны были быть соблюдены определенные нормы гражданского законодательства. В отношении браков нехристиан законодательное регулирование сводилось к минимуму. Как говорилось в статье 90 Законов гражданских, «каждому племени и народу, не выключая и язычников, дозволяется вступать в брак по правилам их закона, или по принятым обычаям, без участия в том гражданского начальства или Христианского духовного правительства»². В законе определялся возраст, с которого разрешалось вступление в брак (для мужчин с восемнадцати

---

¹СЗРИ. Т. X. Ч. 1. № 61.

²Там же. № 90.

лет, для женщин с шестнадцати)³, указывались некоторые обстоятельства, при которых вступление в брак являлось невозможным⁴, содержались положения относительно браков между лицами различных исповеданий⁵, общие нормы, касающиеся расторжения браков и признания их недействительными⁶, положения о гражданских правах и обязанностях супругов, вытекавших из факта заключения брака⁷. Духовенство и церковные суды различных исповеданий должны были принимать во внимание эти нормы, однако сама процедура заключения (равно как и расторжения) супружеского союза осуществлялась духовными властями. Духовные лица всех признанных в империи конфессий вели метрические книги, куда вносились данные о браках, рождениях и смертях последователей соответствующего вероисповедания.

2. Гражданская метрификация для отдельных конфессиональных групп

Исключение из общего правила составляли раскольники и баптисты. Под названием раскольников в русском законодательстве вплоть до 1905 г. объединялись старообрядцы и сектанты, отделившиеся от православия. Раскольнические религиозные сообщества существовали на полуполюгальном положении, их духовные лица не были признаны государством, соответственно и заключающиеся ими браки не являлись полноценными юридическими актами. В соответствии с законом от 19 апреля 1874 г. браки раскольников должны были регистрироваться в полицейских управлениях, которые для этого вели специальные метрические книги⁸. Однако такие браки нельзя было назвать браками светскими, гражданскими в строгом смысле этого слова. Из суждений Государственного Совета, предшествовавших принятию указанного закона, следовало, что российская власть отнюдь не стремилась дать раскольникам возможность вступать в брак на чисто гражданских основаниях, независимо от религиозных установлений их сообществ. Предполагалось, что запись в полицейской метрической книге «не будет составлять основания брака, но только усваивать браку в граж-

---

³ Там же. № 3, 63, 91. Исключение (оговоренное в указанных статьях) делалось для коренных жителей Закавказья, которым разрешалось вступать в брак по достижении женихом пятнадцати, а невестой тринадцати лет.

⁴ Там же. № 2–24, 62–64.

⁵ Там же. № 67–75, 79–87.

⁶ Там же. № 37–56. Там же. Т. XVI. Ч. 2. Законы о судопроизводстве гражданском. № 441–457.

⁷ Там же. Т. X. Ч. 1. № 100–118.

⁸ ПСЗ–II. Т. XLIX. № 53391; СЗРИ. Т. X. Ч. 1. № 78.

данском отношении законную силу. Самое совершение брака, по мнению Государственного Совета, будет происходить по тем обрядам, которых раскольники держатся, по различию сект, и исполнение коих, при соблюдении известных условий, им не воспрещается, но закон, согласно правилу, которому до сих пор следовало правительство, — устранять от себя прямое вмешательство в раскольничьи заблуждения, не может входить в сущность брачных обрядов раскольников»⁹.

Правительство, таким образом, стремилось избежать придания раскольническим обрядам того же юридического значения, которое имели обряды Православной Церкви и официально признанных инославных конфессий, однако полицейская регистрация являлась молчаливым признанием со стороны государства действительности заключенных по этим обрядам супружеских союзов. Такова была трактовка «полицейского брака» раскольников государственными деятелями и официозными юристами Российской империи¹⁰. Тем не менее, объективности ради, следует отметить, что некие черты гражданского брака в данном институте все же присутствовали. Об этом говорит хотя бы то обстоятельство, что дела о расторжении браков раскольников и признании их недействительными в соответствии с законом разрешались в порядке гражданского судопроизводства, подлежа ведению окружных судов¹¹.

---

⁹РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 693. Л. 3–3 об.

¹⁰В частности, против отождествления установленной для раскольников полицейской регистрации брачных союзов с гражданским браком решительно выступал авторитетный канонист профессор Казанской духовной академии и Казанского университета И.С. Бердников. Он настаивал на том, что «раскольнический брак по всей справедливости должен быть сопоставляем с вероисповедным браком, признаваемым во всех исповеданиях. Сходство раскольнического брака с вероисповедным браком в том, что он совершается по религиозным обрядам, признаваемым раскольниками, точно так же, как в других исповеданиях браки совершаются по религиозным обрядам этих исповеданий. Отличие в том, что во всех других исповеданиях, признанных в России, браки после их совершения записываются в приходские метрические книги духовными лицами, совершавшими браки, и эти метрические записи имеют в глазах закона значение актов гражданского состояния, у раскольников же, за неимением духовенства, носящего официальный характер в глазах правительства, для завершения, удостоверения и узаконения в гражданском смысле раскольнических браков, совершенных по обрядам их верования, полагается запись этих браков в метрические книги, ведение которых поручено полицейским чинам» (*Бердников И.С.* Вторая заметка по вопросу о раскольническом браке. Отдельный оттиск из журнала «Православный собеседник» за 1896 год. Казань, 1896. С. 31).

¹¹ПСЗ-П. Т. XLIX. № 53391. Правила. Ст. 31-39; СЗРИ Т. XVI. Ч. I. Устав гражданского судопроизводства. № 1356-1, 1356-2, 1356-3.

После того, как в соответствии с указом 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» старообрядческие согласия и русские секты (за исключением «изуверных учений») получили легальный статус¹², их брачные обряды также приобрели силу юридически значимых актов. Высочайшим указом 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин» ведение книг гражданского состояния старообрядцев и сектантов было возложено на их духовных лиц, именовавшихся «настоятелями и наставниками». Ведение метрических книг сектантов, не признававших духовенства, а также старообрядцев, не объединенных в официально зарегистрированные общины, было возложено на органы местного самоуправления (городские управы, городских старост и волостные правления)¹³. Данный указ был дополнен высочайше утвержденным положением Совета министров от 31 января 1907 г., изданным по ходатайству нескольких старообрядческих общин старопоморского толка. В соответствии с ним старообрядцам беспоповских согласий (не имевшим священнослужителей) разрешалось возлагать ведение собственных книг гражданского состояния на особых старост, избираемых общинами¹⁴. Положение касалось исключительно староверов. Ходатайства сектантских общин о применении к ним данного постановления властями отклонялись. Так, например, в 1910 г. тифлисским губернатором было отклонено прошение представителя местной общины старо-молокан Михаила Пигарева о разрешении его единоверцам избрать старост для ведения собственных метрических книг. Община не признавала наставников, и ее метрические книги, в соответствии с положением от 17 октября 1906 г., велись Тифлисской городской управой. Отказ в удовлетворении ходатайства Пигарева губернатор обосновывал тем, что закон 31 января 1907 г., на который ссылались молокане, касался лишь старообрядцев-беспоповцев и не распространялся на сектантов¹⁵. Жалоба на решение губерна-

---

¹²Указ 17 апреля уничтожил в русском законодательстве само понятие «раскол». В соответствии с его 5 пунктом вероучения, ранее охватывавшиеся этим наименованием, были разделены на три группы: старообрядческие согласия, секты и изуверные учения (ПСЗ–III. Т. XXV. № 26125. П. 5). Старообрядческие согласия и секты обрели юридические права, близкие к правам инославных христианских конфессий (Там же. П. 6–12), принадлежность же к изуверным учениям продолжала караться в уголовном порядке.

¹³ПСЗ–III. Т. XXVI. № 28424.

¹⁴Особые журналы Совета министров Российской империи. 1907 год. М., 2011. С. 90–91; ПСЗ–III. Т. XXVII. № 28841.

¹⁵РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 812. Л. 86–87.

тора, поданная тифлисскими молоканами в МВД, была оставлена без последствий¹⁶.

Данная ситуация являлась одним из свидетельств тому, что власти благоволили к старообрядцам гораздо больше, чем к сектантам. Дело в том, что в условиях разгоревшейся в начале XX века революционной смуты староверы стали восприниматься властью как консервативный и лояльный элемент, являющийся одной из надежных опор русской государственности. По мнению правых кругов, которое разделялось императором и правительством, устранение всяких стеснений в религиозном быте последователей старообрядческих толков должно было еще более укрепить их преданность престолу. Сектанты, напротив, нередко подозревались в революционных и антигосударственных настроениях, соответственно и подход к ним был иной.

Гражданская регистрация браков и других актов состояния существовала также для баптистов. В соответствии с законом от 27 марта 1879 г., легализовавшим в России баптистское вероисповедание, метрические записи браков, рождений и смертей баптистов велись местными гражданскими властями¹⁷. В соответствии с правилами, изданными 15 августа 1879 г. министром внутренних дел Л.С. Маковым, метрические книги баптистов должны были вестись «для губернских городов и уездов — губернскими правлениями, для Санкт-Петербургского и других градоначальств — управлениями градоначальников и для Москвы — управлением Обер-Полицмейстера»¹⁸. 12 ноября того же года правила эти были утверждены указом Правительствующего Сената¹⁹. Такое установление объяснялось тем, что баптизм рассматривался правительством не как полноправное исповедание, а скорее как секта. Однако поскольку он был сектой, выделившейся не из православия, а из протестантизма, то считался менее опасным, чем русские сектантские течения. Давая баптистам свободу веры, российские власти не желали узаконивать их обряды наравне с обрядами прочих христианских исповеданий (то есть ситуация была той же, что и с обрядами русских раскольников).

Следует подчеркнуть, что закон 1879 г. имел в виду лишь баптистов нерусского происхождения, перешедших в баптизм из инославных исповеданий. Что же касается русских прозелитов баптизма, являвшихся отступниками от

---

¹⁶ Там же. Л. 105–105 об.

¹⁷ ПСЗ–II. Т. LIV. № 59452; СЗРИ. Т. XI. Ч. 1. № 1108.

¹⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 780. Л. 48.

¹⁹ ПСЗ–II. Т. LIV. № 60169.

православия и в официальных документах именовавшихся обычно «штундистами», то они до 1905 г. находились на нелегальном положении. Когда, в соответствии с законами 1905–1906 гг., православные получили возможность легально переходить в другие христианские вероисповедания и секты (включая баптизм) возникла правовая коллизия. А именно: следует ли применять к новообразованным общинам баптистов, составленным преимущественно из бывших православных, закон 27 марта 1879 г., предусматривавший для последователей этого исповедания гражданскую метрификацию, или же относительно них должны вступить в силу нормы указа 17 октября 1906 г., в соответствии с которым сектантские общины, имевшие наставников, получили право вести собственные метрические книги.

Вопрос этот был поставлен в 1909 г. петербургским градоначальником в связи с прошением наставника Санкт-Петербургской общины евангельских христиан-баптистов Вильгельма Фетлера о выдаче ему метрических книг по форме, установленной для сектантов и старообрядцев. Градоначальник запросил мнение Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД²⁰ относительно того, подлежит ли удовлетворению данная просьба, принимая во внимание существующие законоположения о баптистах²¹. Директор Департамента А.Н. Харузин в отношении от 20 августа 1909 г. разъяснил градоначальнику, что «вопрос о порядке ведения метрических книг баптистов находится в зависимости от того, образовалось ли данное общество баптистов на почве православия или протестантства»²². В соответствии с заключением правительственного чиновника, «для сектантов, и в том числе и для баптистов, отделившихся от православия, порядок ведения метрических книг подчиняется действию Высочайшего указа 17 октября 1906 г., на основании коего ведение означенных книг для сектантов, объединенных в общины и имеющих наставников, законных порядком утвержденных, возлагается на последних (статьи 39–57 раздела I и статьи 35, 37 и 38 раздела II). Под именем же баптистов, упоминаемых в статьях 1106–1108 Уставов Иностранных Исповеданий (где воспроизводились положения закона 27 марта 1879 г. — *И.А.*) следует разуметь сектантов, отде-

---

²⁰Департамент духовных дел иностранных исповеданий, входивший в состав Министерства внутренних дел, ведал делами всех официально признанных инославных и иноверческих исповеданий Российской империи. С 1909 г. ему также были переданы дела старообрядцев и русских сектантов. Ранее последователи этих течений, объединявшихся до 1905 г. понятием «раскол», находились в ведении Департамента полиции МВД.

²¹РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 812. Л. 47.

²²Там же. Л. 48.

лившихся от инославных исповеданий, которым хотя и предоставлена свобода вероучения, но указаний в законе о разрешении им образовывать религиозные общины не имеется, метрические книги этой категории баптистов на точном основании ст. 1108 Уставов Иностранных Исповеданий должны вестись местными гражданскими властями»²³. Столичных баптистов, возглавляемых Фетлером, А.Н. Харузин относил к баптистам первого рода. «Принимая во внимание, что Санкт-Петербургская община Евангельских христиан баптистов образована сектантами, отделившимися от православия, и легализирована установленным порядком, Департамент не находит с своей стороны препятствий к удовлетворению ходатайства наставника названной общины о выдаче ему установленных метрических книг»²⁴.

С формально-юридической точки зрения заключение А.Н. Харузина можно назвать абсолютно безупречным. Действительно, указ 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин» имел в виду именно сектантов «отделившихся от православия» (это было прямо указано в его тексте)²⁵. Вместе с тем с точки зрения здравого смысла и общего духа российских религиозных законов ситуация складывалась парадоксальная. Получалось, что в России существует как бы два вероучения под одним названием — баптизм. При этом общины баптистов, образовавшиеся в результате отступления их членов от «первенствующей и господствующей» Православной Церкви наделялись более широкими правами, чем те, которые выделились из инославных (протестантских) исповеданий. Такая градация была явно искусственной, что видно на примере самой петербургской общины. Община эта получила регистрацию 8 мая 1909 г.²⁶ в соответствии с тем порядком, который был установлен указом 17 апреля 1906 г., и потому выдача ей метрических книг, предусмотренных этим указом, являлась правомерной. Большинство членов общины действительно составляли русские сектанты, изначально принадлежавшие к православию, однако были в ней и баптисты-немцы, никаких православных корней не имевшие. В числе последних был и ее глава Вильгельм Фетлер, принадлежавший к баптизму от рождения (он был сыном баптистского пастора из латвийского города Талсы). Один этот факт доказывал, что разделение баптистов

---

²³ Там же. Л. 48–48 об.

²⁴ Там же. Л. 48 об.–49.

²⁵ ПСЗ–III. Т. XXVI. № 28424. Разд. II. Ст. 1.

²⁶ *Никольская Т.К.* Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб., 2009. С. 32.

на две категории и применение к ним «двойного стандарта» являлось юридическим нонсенсом. Возникшая ситуация стала следствием несогласованности старых и новых вероисповедных законов. Данное обстоятельство в период после 1905 г. породило целый ряд проблем, в том числе в области регулирования брачно-семейных отношений. О некоторых из них еще будет речь ниже.

Последний в истории Российской империи случай введения гражданской метрификации для отдельной конфессиональной группы имел место в 1906 г., когда правительством было узаконено отделившееся от Католической Церкви раскольническое движение мариавитов. В соответствии с 6 пунктом высочайше утвержденного 26 ноября 1906 г. положения Совета министров «Об издании временных правил относительно секты мариавитов», ведение метрических записей рождений, браков и смертей последователей этого религиозного течения возлагалось на местные гражданские власти²⁷. Мариавиты имели собственных священников, совершавших обряды, аналогичные католическим. Но правительство, по-видимому, сочло, что приравнивание этих обрядов к таинствам Римской Церкви будет воспринято последней как оскорбление (учитывая, что уже сам факт легализации мариавитского раскола вызвал у католического духовенства крайнее недовольство).

3. Основы российского законодательства о смешанных (межконфессиональных) браках

Особенно остро в российской юридической практике всегда стоял вопрос о смешанных (межконфессиональных) браках. Внутренние правила различных исповеданий относительно таких браков между собой существенно различались, и на этой почве периодически возникали казусы юридически-канонического свойства, требовавшие вмешательства гражданской власти.

П.А. Столыпин, излагая в 1907 г. свои соображения по поводу реформирования законодательства о смешанных браках, четко обозначил основной принцип, которым руководствовалась российская власть при разрешении коллизий между правилами различных конфессий. Он исходил из того постулата, что «Россия есть государство правовое, но вместе с тем и христианское, признающее, наряду с широкою веротерпимостью и свободою совести, первенствующее и господствующее положение за Православною Церковью». Поэтому «в случае столкновения правил христианской религии с требованиями нехристианских или языческих учений, законодательство Российского государства как

---

²⁷ ПСЗ–III. Т. XXVI. № 28632. Разд. I. П. 6.

государства христианского, должно отдать предпочтение первым. При противоречии канонов Православной Церкви правилам других инославных христианских исповеданий закон, в силу господствующего значения в нашем отечестве православной религии, обязан поддержать первые; наконец, в случае разногласия между признанными государством и пользующимися особою его защитой исповеданиями с отдельными, лишь допускаемыми вероучениями и сектами, решающий голос должен быть присвоен первым»²⁸.

В законодательстве Российской империи данные принципы проводились достаточно последовательно. С той лишь оговоркой, что и сама Православная Церковь еще в петровское время должна была пойти на компромисс с государством, отказавшись от жесткого следования древним каноническим нормам, которые запрещали браки православных с еретиками (под последними обычно подразумевались все христиане неправославного исповедания). Подобного рода браки строжайше запрещались 72-м правилом Трулльского собора, состоявшегося в Константинополе в 691–692 гг. (постановления этого собора составляют основу канонического права Православной Церкви). В течение многих веков Русская Церковь придерживалась этого правила, приравнивая к еретикам христиан западных исповеданий — католиков и протестантов, а также последователей Армянской Церкви. Вступление их в брак с православными дозволялось лишь при условии предварительного принятия православной веры. Однако Петр I, подчинивший Русскую Церковь государству, настоял на смягчении указанной нормы с целью укрепления связей России с Западом. 23 июня 1721 г. Святейший Синод своим указом дозволил шведским пленникам, желавшим перейти на русскую службу, «жениться на русских девках и вдовах» при условии дачи предварительного письменного обязательства («сказки») о том, что они не будут склонять своих жен к перемене веры, и что дети, рожденные в таком браке, будут крещены в православии²⁹. Впоследствии это положение было распространено на все вообще случаи браков православных с инославными христианами. Данная норма действовала вплоть до революции 1917 г., лишь временами делалось исключение для некоторых регионов.

К началу XX в. изъятие из общего правила относительно брака православных с инославными существовало лишь для Финляндии, которая в составе Российской империи имела широкую автономию, и где Лютеранская Церковь имела равные права с Православной. Там венчание всех смешанных браков должно

---

²⁸ Там же. Д. 693. Л. 27–28.

²⁹ ПСЗ–I. Т. VI. № 3798.

было быть совершено дважды, в церквях обоих исповеданий, а дети воспитывались в вере отца³⁰. На всей прочей территории империи законную силу браку, в котором одна из сторон была православной, придавало лишь венчание в Православной Церкви. Венчание в церкви инославного исповедания (если один из супругов к нему принадлежал) могло совершиться лишь во вторую очередь и по закону не было обязательным. Перед вступлением в брак с лицами православного исповедания христиане других исповеданий должны были дать подписку православному священнику о том, что они «не будут ни поносить своих супругов за Православие, ни склонять их чрез прельщение, угрозы или иным образом, к принятию своей веры, и что рожденные в сем браке дети крещены и воспитаны будут в правилах Православного исповедания»³¹. Нарушение этой подписки грозило уголовным преследованием. Статья 190 Уложения о наказаниях гласила: «Родители, которые, быв по закону обязаны воспитывать детей своих в вере Православной, будут крестить их или приводить к прочим таинствам и воспитывать по обрядам другого христианского исповедания, присуждаются за сие: к заключению в тюрьме на время от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев. Дети их отдаются на воспитание родственникам Православного исповедания или, за неимением оных, назначаемым для сего от Правительства опекунам, также Православной веры. Тому же наказанию подвергаются и опекуны, которые будут воспитывать вверенных им детей Православного исповедания в правилах другого вероучения. При сем они немедленно устраняются от опеки»³². Эта статья действовала вплоть до 14 марта 1906 г., когда она была заменена статьей 89 Уголовного уложения, принятого в 1903 г., которая формулировалась следующим образом: «Родитель или опекун, обязанный по закону воспитывать своего, или находящегося под его опекою, недостигшего четырнадцати лет, малолетнего в правилах Православной веры, виновный в крещении или приведении его к таинствам другого Христианского исповедания, наказывается заключением в крепости на срок не свыше одного года»³³. Таким образом, уголовная санкция в данном случае была несколько смягчена: предельный срок заключения сокращен, и ничего более не говорилось о передаче детей на воспитание другим лицам. Тем не менее, само наличие подобной статьи свидетельствовало о крайнем консерватизме российского законодательства, которое,

---

³⁰СЗРИ. Т. X. Ч. 1. № 68.

³¹Там же. № 67.

³²Там же. Т. XV. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (изд. 1885 г.). № 190.

³³СЗРИ. Т. XV. Уголовное уложение (изд. 1909 г.). № 89.

даже после провозглашения в 1905 г. принципов свободы совести и веротерпимости, продолжало основываться на принципе строгого охранения привилегий Православной Церкви.

При заключении смешанных браков между представителями различных инославных исповеданий нередко практиковалось совершение двух венчаний (в обеих церквях), но законную силу брак обретал уже после совершения одного венчания. В Царстве Польском и девяти губерниях Западного края (Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской и Подольской) существовало правило, согласно которому браки между лицами инославных христианских исповеданий должны были совершаться в церкви того исповедания, к которому принадлежит невеста. Только в том случае, когда католический священник отказывался обвенчать невесту-католичку с женихом иной веры (а такие случаи были нередки в силу негативного отношения Римской Церкви к смешанным бракам), дозволялось совершить венчание в церкви, к которой принадлежал жених. В законе особо оговаривалось и вероисповедание детей от смешанных браков, заключенных в этих регионах: сыновья должны были воспитываться в вере отца, а дочери в вере матери (если супруги не заключили брачный договор, в котором был предусмотрен иной порядок). Указанные нормы, зафиксированные в статье 75 Законов гражданских³⁴ и в Положении о союзе брачном для Царства Польского от 1836 г.³⁵, восходили к русско-польскому трактату от 1768 г. Русское правительство сохранило их действие на бывших землях Речи Посполитой после их присоединения к России. В рассматриваемый нами период эти правила применялись чаще всего при бракосочетаниях между католиками и протестантами. Первоначально они распространялись и на браки католиков и протестантов с православными, но повелением императора Николая I от 20 августа 1832 г. на западные губернии и Царство Польское был распространен общероссийский принцип, предусматривавший безусловное верховенство Православной Церкви при заключении межконфессиональных браков (венчание православным священником и воспитание детей в православии)³⁶. Во всех прочих губерниях место венчания супругов разных вероисповеданий (если ни один из них не принадлежал к православию) и вероисповедание детей определялись взаимным соглашением сторон.

---

³⁴СЗРИ. Т. X. Ч. 1. № 75.

³⁵РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 693. Л. 137 об.

³⁶Там же. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 593. Л. 232.

В Законах о судопроизводстве гражданском содержались нормы относительно порядка расторжения смешанных браков. Если оба супруга принадлежали к неправославным христианским исповеданиям, решение о расторжении их брака принималось духовным судом того исповедания, к которому принадлежал ответчик (то есть сторона, обвиненная в проступке, дававшем повод к разводу). Однако развод не мог быть осуществлен прежде вынесения решения о том, был ли брак изначально действительным (то есть имеющим законную силу), а это решение находилось в ведении того исповедания, священник которого «произвел первое венчание»³⁷. В тех же случаях, когда один из супругов был православным, как решение о разводе, так и вопрос действительности брака, подлежали исключительному ведению православного церковного суда³⁸.

4. Смешанные браки и Католическая Церковь

Спорные ситуации и правовые коллизии наиболее часто возникали в связи с теми смешанными браками, где одна из сторон исповедовала католицизм. Католическая Церковь неодобрительно относилась к межконфессиональным бракам в принципе. В соответствии с ее каноническими нормами такие браки могли благословляться священниками лишь при наличии специального разрешения от папы и при условии обязательства супругов воспитывать детей в католической вере. Законодательство Российской империи предусматривало иные правила. В частности, браки католиков с православными по русскому закону должны были совершаться непременно в Православной Церкви, и лишь затем могло последовать венчание в костеле. В статье 72 Законов гражданских специально оговаривалось, что «браки лиц православного исповедания, совершенные одними римско-католическими священниками, почитаются недействительными, доколе тот же брак не обвенчан православным священником»³⁹. Как уже говорилось, все дети от подобных супружеских союзов подлежали обязательному крещению в Православной Церкви.

Католическое духовенство такие условия категорически не устраивали, и оно чинило всевозможные препятствия бракам своих прихожан с последователями господствующей Церкви. Главным способом недопущения таких браков был отказ в совершении оглашения. В соответствии с правилами большинства Христианских Церквей (которые нашли отражение и в российском законе)

---

³⁷СЗРИ. Т. XVI. Ч. 2. Законы о судопроизводстве гражданском. № 455.

³⁸Там же. № 454.

³⁹Там же. Т. X. Ч. 1. № 72.

оглашение было необходимой процедурой, предшествовавшей заключению брака⁴⁰. Процедура эта состояла в публичном объявлении с церковной кафедры о намерении того или иного прихожанина вступить в брак (при этом указывались имя, фамилия и сословная принадлежность жениха и невесты, а также их родителей). Оглашение должно было быть троекратным, обыкновенно оно совершалось в течение трех воскресений подряд. В случае, если жених и невеста принадлежали разным приходам (одного и того же или различных исповеданий) указанный обряд должен быть совершен в обоих приходах. Оглашение сопровождалось так называемым «обыском», то есть выяснением того, нет ли каких-либо обстоятельств, препятствующих браку. В числе таковых могли быть психическое нездоровье одного из супругов, наличие между женихом и невестой близкого родства, открывшийся факт пребывания одной из сторон в законном браке с другим лицом, который не был расторгнут в установленном порядке и др. По совершении оглашений и обыска священник выдавал прихожанину удостоверение (предбрачное свидетельство), которое было доказательством отсутствия препятствий к вступлению в супружеский союз. После распространения на западные губернии общероссийской нормы, предусматривавшей совершение смешанных браков исключительно на условиях Православной Церкви, католические священники в этих губерниях стали систематически отказывать в оглашении тем своим прихожанам, которые желали вступить в брак с лицом православного исповедания. Хотя для сообщения смешанному браку законной силы было достаточно венчания в Православной Церкви, но венчание это не могло быть совершено без наличия предбрачных свидетельств от духовенства обеих Церквей. В результате лица католического вероисповедания, желавшие вступить в брак с православными и имевшие на это право по российским законам, не могли реализовать данного права в силу противодействия собственного духовенства.

Правительство не желало мириться с таким положением вещей. Чтобы разрешить существовавшее противоречие был принят специальный закон. По представлению Министерства внутренних дел 11 мая 1891 г. было издано высочайше утвержденное положение Комитета министров, в соответствии с которым брак католика с лицом православного исповедания мог быть оглашен в одной только Православной Церкви. В случае такого брака католическая сторона вместо предбрачного свидетельства от священника должна была представить удостоверение местной полиции о внебрачном состоянии и правоспособности

---

⁴⁰СЗРИ. Т. X. Ч. 1. № 26–29; Там же. Т. XI. Ч. 1. № 346–359.

вступления в брак⁴¹. Данное положение было включено в Свод законов Российской империи в качестве примечания к 67 статье Законов гражданских⁴².

Проблемы возникали и при заключении браков католиков с лютеранами и другими протестантами. В отличие от Православной Церкви, которой закон давал безусловное преимущество, протестантские исповедания формально находились в равных условиях с католицизмом, в том числе в случаях межконфессиональных браков. В регионах бывшей Речи Посполитой в отношении католическо-протестантских браков действовали нормы договора 1768 г., о которых уже говорилось выше. Для остальных губерний никаких специальных правил не предусматривалось: там подобный брак мог быть совершен как в приходе жениха, так и в приходе невесты, и вероисповедание детей зависело от усмотрения супругов. Католическая Церковь везде, где это было возможно, стремилась добиться воспитания детей в католицизме, и, как правило, ей это удавалось. Как констатировалось в справке Департамента духовных дел иностранных исповеданий, «в большинстве случаев дети, рождающиеся от браков католиков с иноверцами (христианских исповеданий), крестятся по римско-католическому обряду»⁴³. Вместе с тем при совершении таких браков в ряде случаев также возникали проблемные ситуации канонического и правового свойства. Лютеранские духовные консистории неоднократно направляли жалобы в государственные инстанции по поводу незаконного, по их мнению, венчания католическими священниками смешанных браков.

К примеру, Санкт-Петербургская евангелическо-лютеранская консистория отношением от 11 мая 1890 г. сообщала в Министерство внутренних дел о том, что девица-лютеранка Ольга Валерия Гринфельдт была повенчана с католиком Юлианом Данисевичем в римско-католической церкви св. Екатерины без предварительного оглашения в приходе невесты. Венчание совершил католический священник Кононович, а жалобу на его действия направил в консисторию пастор Мютель, проповедник лютеранской церкви св. Анны, к приходу которой принадлежала Ольга Гринфельдт⁴⁴. Об аналогичном случае сообщал в своем донесении Министерству внутренних дел от 18 марта 1895 г. курляндский губернатор: «Курляндская евангелическо-лютеранская Консистория уведомила меня, между прочим, о том, что Ливенгофский, Курляндской гу-

---

⁴¹ПСЗ–III. Т. XI. № 7682.

⁴²Там же. Т. X. Ч. 1. № 67. Прим. 1.

⁴³РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 693. Л. 123.

⁴⁴РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 614. Л. 88

бернии, римско-католический священник в прошлом году совершил бракосочетание крестьянина-католика с девицей евангелическо-лютеранского исповедания вопреки ст. 75, Т. X, Ч. 1 Свода Законов в римско-католической церкви и притом без предварительного оглашения жениха и невесты в евангелическо-лютеранской церкви»⁴⁵.

Лютеранские духовные лица в подобных случаях подвергали сомнению действительность совершенного брака, но их аргументы не всегда были бесспорны. В частности, статья 75, на которую ссылалась Курляндская консistorия (чью жалобу передавал Министерству губернатор), предполагавшая совершение смешанного брака в церкви невесты, распространялась лишь на девять западных губерний, в число которых Курляндская не входила. Что касается правил об оглашении, то с ними тоже не все было очевидно. Норма об обязательном троекратном оглашении содержалась в 26 статье Законов гражданских⁴⁶, но речь в ней шла о браках между лицами православного вероисповедания. Относительно бракосочетаний между лицами инославных исповеданий это положение четко прописано не было. В статье 346 Уставов духовных дел иностранных исповеданий, являвшейся частью Устава Евангелическо-Лютеранской Церкви, говорилось о необходимости троекратного оглашения в приходе жениха и невесты перед заключением лютеранского брака⁴⁷. Однако в законах о римско-католическом исповедании, которые также содержались в Уставах духовных дел, ничего о предбрачных оглашениях не говорилось. В действительности в Католической Церкви оглашения также практиковались, но они определялись не законом, а ее внутренними каноническими нормами, которые в ряде случаев допускали исключение из общего правила. Епископ Паллюион, начальник Тельшевской римско-католической епархии, в юрисдикцию которой входила Курляндская губерния, оправдывал действия подчиненного ему священника. Как он сообщал курляндскому губернатору, потребовавшему от него объяснения, «по правилам Римско-Католической Церкви предбрачные оглашения могут быть не совершаемы, если на то имеется разрешение епархиального начальства»⁴⁸. Далее епископ указывал, что он дал разрешение настоятелю ливенгофского костела повенчать католика Якова Крейцбурга с лютеранкой Ли-

---

⁴⁵ Там же. Л. 105.

⁴⁶ СЗРИ. Т. X. Ч. 1. № 75.

⁴⁷ СЗРИ. Т. XI. Ч. 1. № 346.

⁴⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 614. Л. 106.

зой Эренфрид без предварительного оглашения⁴⁹. Таким образом, в действиях католического священника не было нарушения буквы закона, но, безусловно, имело место отступление от его духа (поскольку российское законодательство было направлено на то, чтобы поставить инославные христианские исповедания в равные отношения между собой, и оглашения являлись общепринятой практикой).

Министр внутренних дел И.Н. Дурново в своем отношении курляндскому губернатору от 24 июня 1895 г. по поводу данного дела вынес заключение, что «совершение католическим священником венчания без истребования свидетельства об оглашении брачующихся в евангелическо-лютеранской церкви должно быть признано неправильным»⁵⁰. Министр прибегал к доказательству по принципу аналогии, ссылаясь на статью 69 Законов гражданских, в соответствии с которой при венчании православных с протестантами в Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерниях требовалось в качестве обязательного условия предъявление огласительного свидетельства от пастора⁵¹. Таким образом, даже православная духовная власть не имела права освобождать протестантов от оглашения в их церкви. «Равным образом нельзя не признать, что католический епископ может освобождать от оглашения только лиц католического исповедания, а не лютеранского», — заключал министр и сообщал, что им даны соответствующие указания епископу Паллюлиону⁵².

Вместе с тем, в записке от 11 января 1903 г., направленной от имени Министерства внутренних дел в Министерство юстиции, тот же самый И.Н. Дурново (пребывавший теперь в ранге товарища министра и одновременно занимавший почетную должность председателя Комитета министров) указывал на пробел в российском законе, позволявший католическому духовенству обходить правила об оглашениях, когда это было в его интересах. Как констатировал сановник, «из рассмотрения действующего законодательства видно, что ни Устав Духовных Дел Иностранных Исповеданий, ни Законы о Брачном Союзе не возлагают на римско-католическое духовенство обязанности совершать предбрачное оглашение»⁵³.

---

⁴⁹Там же.

⁵⁰Там же. Л. 108.

⁵¹СЗРИ. Т. X. Ч. 1. № 69.

⁵²РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 614. Л. 108.

⁵³Там же. Л. 148.

Еще одним обстоятельством, вызывавшем недовольство лютеранских консисторий, были условия, которыми Католическая Церковь оговаривала венчание своих последователей с лютеранами. Как жаловалась та же Курляндская консистория, «при совершении обряда венчания вступающих в брак лиц римско-католического и евангелическо-лютеранского исповедания они (католические священники. — *И.А.*) требуют от этих лиц подписки в том, что их дети будут воспитаны по закону веры католической»⁵⁴. Если лютеранская сторона не желала дать такую подписку, священники отказывались венчать брак, а в тех случаях, когда жених и невеста, дабы избежать выполнения требований Католической Церкви, предпочитали венчание в лютеранском храме, католическое духовенство отказывало им в оглашении. Взамен огласительных свидетельств ксендзы выдавали в таких случаях своим прихожанам документы, в которых значилось, что они освобождены от оглашения в римско-католической церкви. При этом в ряде случаев имело место некорректное обращение священнослужителей с мирянами. Так, например, священник рижской католической церкви выдал своей прихожанке девице Анне Берзинг, желавшей вступить в брак с лютеранином Карлом Клейном, свидетельство об освобождении от оглашения «со словами, что он не желает иметь с нею никакого дела»⁵⁵. Причина заключалась в том, что Анна отказалась дать обязательство о крещении могущих родиться от этого брака детей по римско-католическому обряду. Лютеранский пастор в соответствии с уставом своей Церкви не имел права совершить венчание, если не были совершены оглашения в приходах жениха и невесты (а возможность освобождения от оглашения в законах о Лютеранской Церкви не была предусмотрена). Таким образом, возникала проблема, аналогичная той, которая прежде имела место при заключении православно-католических браков.

Поскольку такого рода ситуации возникали неоднократно, евангелическо-лютеранская Генеральная консистория 26 ноября 1892 г. направила в Министерство внутренних дел представление с ходатайством о распространении на браки лиц католического и протестантского вероисповедания законоположения, принятого ранее относительно браков католиков с православными (о возможности замены предбрачных свидетельств от римско-католических священников полицейскими документами)⁵⁶. Ходатайство это впоследствии повторялось Генеральной консисторией неоднократно, и прави-

---

⁵⁴Там же. Л. 114 об.

⁵⁵Там же. Л. 91 об.

⁵⁶Там же. Л. 103–104.

тельство в конечном итоге сочло целесообразным его положительное решение. В начале 1905 г. Комитет министров постановил передать вопрос на рассмотрение Государственного Совета для выработки соответствующего закона⁵⁷. Государственный Совет постановил принять поправку к существовавшим узаконениям, в соответствии с которой «при заключении по Протестантскому обряду браков между лицами Протестантского и Римско-Католического исповеданий предбрачные оглашения могут быть совершаемы в одной протестантской церкви, но в таких случаях вступающие в брак с Протестантами лица Римско-Католического исповедания обязаны представлять духовенству Протестантской Церкви, в которой должно быть совершено оглашение, взамен предбрачного свидетельства Римско-Католического священника, удостоверение местной полиции о внебрачном их состоянии и об отсутствии иных препятствий к вступлению их в брак»⁵⁸. Это мнение Государственного Совета получило высочайшее утверждение 14 марта 1905 г. и также заняло свое место в Своде законов (как примечание № 2 к статье 67 Законов гражданских⁵⁹). Таким образом, лютеранские и вообще протестантские священнослужители (как ранее православные) получили законодательно закрепленное право совершать браки между своими прихожанами и католиками, не считаясь с позицией Католической Церкви относительно такого рода союзов. По логике вещей законодательного решения требовал и вопрос о ситуациях противоположного характера — случаях венчания католическими священниками браков католиков с лютеранами без предварительного оглашения в лютеранской церкви (как видно из жалоб лютеранских консисторий, они также имели место довольно часто). Однако специального закона на сей счет не последовало, возможность его принятия даже не обсуждалась. Причина заключалась в том, что русское правительство благоволило к протестантам больше, чем к католикам. Католическая Церковь, по справедливому замечанию Ю.С. Белова, традиционно рассматривалась русской правящей элитой в качестве «скрытого внутреннего врага»⁶⁰. Католический прозелитизм в отношении не только православных, но также и протестантов, и лиц прочих исповеданий, воспринимался как безусловное зло, а смешанные браки на условиях Католической Церкви были фактически

---

⁵⁷Там же. Л. 162.

⁵⁸ПСЗ–III. Т. XXV. № 25968.

⁵⁹СЗРИ. Т. X. Ч. 1. № 67. Прим. 2.

⁶⁰Белов Ю.С. Правительственная политика по отношению к неправославным вероисповеданиям в России в 1905–1917 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. С. 13.

одной из форм такого прозелитизма. Признание на законодательном уровне за католическими ксендзами права венчать протестантов с католиками без огласительных свидетельств от пасторов означало бы поощрение завоевательных устремлений Римской Церкви. Вместе с тем, прямое запрещение католическому духовенству подобных действий, наряду с предоставлением Лютеранской Церкви права игнорировать в случаях смешанных браков канонические нормы католицизма, явилось бы откровенно дискриминационной мерой (ведь с формально-юридической точки зрения католицизм и протестантские исповедания были равны в правах, преимущество в таких вопросах имела лишь Православная Церковь). Таким образом, проблемы, связанные с протестантско-католическими браками, остались в русском дореволюционном праве до конца неурегулированными.

5. Проблема смешанных браков после 1905 г.

Вопрос о браках католиков с православными обрел новую остроту после издания высочайшего указа 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», в соответствии с которым православные получили право переходить в другие христианские исповедания. Хотя этим указом не были отменены законы относительно смешанных браков (в частности, норма, в соответствии с которой дети должны были воспитываться в православии, если один из родителей его исповедовал), однако появилась легальная возможность перехода православной «половины» в вероисповедание своего инославного супруга. Поэтому католическое духовенство, которое ранее было настроено резко негативно по отношению к бракам своих прихожан с православными, теперь изменило свою позицию, начав рассматривать такие супружеские союзы как удобное орудие для обращения православных в католицизм. Это обстоятельство стало вызывать беспокойство Православной Церкви.

Вопрос о смешанных браках стал, в частности, предметом обсуждения на IV Всероссийском миссионерском съезде в Киеве, прошедшем в 1908 г. Как отмечали участники съезда, «католическое духовенство повсеместно до 17 апреля 1905 года восставало против смешанных браков; в настоящее же время католическое духовенство сильно поощряет желание женихов-католиков выбирать себе невест православных и наоборот, в полной уверенности, что теми или иными способами удастся православную сторону еще до бракосочетания свратить в католичество. Ксендзы даже стали женихов и невест употреблять прямыми орудиями пропаганды, заставляя, например, богатых женихов присвататься к бедным девушкам православным. Помимо этого ксендзы даже и венчают сме-

шанные браки, в крайних случаях, но под неременным условием, что православный жених или невеста клятвенно должны обещаться впоследствии принять латинство»⁶¹.

Особенно актуальна данная проблема была для губерний Западного края, где борьба между православием и католицизмом (двумя крупнейшими конфессиями региона) была наиболее ожесточенной. В связи с данным обстоятельством ряд православных иерархов и священников стал выступать за запрещение смешанных браков. Епископ Антоний (Храповицкий), занимавший в то время волынскую кафедру, издал в 1906 г. распоряжение о запрете смешанных браков во вверенной ему епархии. Данное постановление, находившееся в противоречии с общеимперским гражданским законодательством, вызвало недоумение Святейшего Синода, который указом от 31 января 1908 г. повелел волынскому архиерею представить объяснение, на каких основаниях он решил прибегнуть к подобной мере⁶². Рапортом от 9 февраля того же года епископ Антоний сообщал, что основанием к его распоряжению стали древние каноны Православной Церкви, «не допускающие не только браков с еретиками <...>, но даже и совместную с ними молитву»⁶³. Кроме того, иерарх указывал на факт использования католическим духовенством смешанных браков в целях прозелитизма (что для Волынской епархии было чрезвычайно актуально). Епископ Антоний был убежден, что «в целях спасения православия на Волыни необходимо воспретить смешанные браки»⁶⁴.

Обсудив рапорт волынского епископа, Синод определением от 28 февраля – 27 марта 1909 г. признал представленные им мотивы «заслуживающими полного уважения», но в то же время само распоряжение о запрете смешанных браков в отдельно взятой епархии счел неправомерным, «так как статья 61, т. X Законов гражданских категорически дозволяет «невозбранно» заключать браки христиан православных с христианами неправославными, не делая из сего никаких изъятий, и воспрещение для указанной местности смешанных браков Святейшим Синодом было бы равносильно ограничению известной части населения Империи в принадлежащих ему правах, каковое ограничение, установленное духовной властью, во-первых, произвело бы смущение в умах сего населения

---

⁶¹РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 614. Л. 180 об.–181.

⁶²РГИА. Ф. 796. Оп. 190. 4 отд. 3 ст. Д. 210. Л. 9.

⁶³Там же.

⁶⁴Там же. Л. 9 об.

и, во-вторых, как противоречащее прямому закону, могло бы подать повод к формальным жалобам в судебные и высшие государственные учреждения»⁶⁵.

Упомянутый миссионерский съезд 1908 г. в Киеве принял резолюцию, в которой выражалось пожелание «чтобы смешанные браки как противные канонам Православной Церкви были запрещены и допускались бы лишь в исключительных случаях (особенно в Холмской, Варшавской, Рижской и Финляндской епархиях, где православные живут среди подавляющего большинства иноверцев), всякий раз с разрешения местного епископа»⁶⁶. Резолюция была подготовлена комиссией съезда «по борьбе с католичеством и протестантством», возглавлявшейся епископом Холмским Евлогием (Георгиевским), и принята большинством голосов в общем собрании. Упоминание о Рижской и Финляндской епархиях (с преобладавшим лютеранским населением) говорит о том, что деятели Православной Церкви были обеспокоены не только католическим, но и лютеранским прозелитизмом, который тоже мог осуществляться через посредство межконфессиональных браков.

Несмотря на обоснованность подобных инициатив с точки зрения интересов господствующей Церкви, они так и не были реализованы. Осуществление меры, предлагавшейся миссионерами, потребовало бы изменения в имперском законодательстве, притом таких, которые не отвечали либеральному духу того времени. Провести закон о запрете смешанных браков через Думу являлось делом совершенно нереальным, да и у правящей бюрократии данная мера едва ли встретила бы поддержку. Напротив, правительство П.А. Столыпина разработало и внесло в Думу законопроект, предусматривавший либерализацию ряда существовавших норм относительно межрелигиозных браков (о нем подробнее будет сказано ниже). Разумное разрешение данной проблемы (как и многих других, связанных со столкновением церковных и государственных интересов) могло бы состояться в случае приобретения Православной Церковью независимости от светской власти (за это, в частности, ратовал упомянутый епископ Антоний (Храповицкий), являвшийся ревностным поборником возрождения патриаршества). В таком случае церковная иерархия могла бы решать вопросы, связанные с церковным правом, без оглядки на гражданскую власть. При этом, однако, и государство неизбежно должно было отказаться от охраны канонических норм православия и его преимуществ перед прочими исповеданиями при помощи насильственных и запретительных мер. Необходимо признать, что к такому реше-

---

⁶⁵Там же.

⁶⁶Там же. Ф. 821. Оп. 10. Д. 614. Л. 181.

нию проблемы не было готово ни царское правительство, ни значительная часть православного духовенства.

После 1905 г. проблемные ситуации канонически-юридического характера стали возникать также в связи с браками православных и армяно-григориан. Высший орган управления Армяно-Григорианской Церкви Эчмиадзинский Синод вынес ряд постановлений, основанных на чрезмерно широком толковании новых законов о веротерпимости. Некоторые из этих постановлений касались межконфессиональных браков и крещения рожденных от них детей. Так, на заседании от 2 июня 1906 г., где рассматривалось прошение православной Анны Клочковой, желавшей заключить брак с армяно-григорианином Карапетом Закиянцем в армянской церкви Киева, Синод постановил, что брак этот может быть совершен лишь в том случае, если просительница примет армяно-григорианство (прошение поступило из консистории Нахичевано-Бессарабской епархии, которая затруднялась с решением данного вопроса)⁶⁷. Это решение носило прецедентный характер, что было подтверждено в циркуляре Синода армяно-григорианским консисториям от 11 сентября того же года, который гласил, что «в случае брака лица армяно-григорианского вероисповедания с лицом православным следует сперва принять православного в армяно-григорианскую веру, а потом уже совершить брак по обряду этой веры»⁶⁸. Циркуляром от 2 августа 1906 г., изданным в связи с рядом обращений от смешанных супружеских пар с просьбами о крещении их детей в Армяно-Григорианской Церкви, Эчмиадзинский Синод дозволил крестить по армянскому обряду детей «от родителей православного и других христианских исповеданий» в случае, если эти дети не достигли четырнадцатилетнего возраста, и находились письменные просьбы от родителей о совершении таинства⁶⁹.

Последнее из упомянутых постановлений находилось в явном противоречии со статьей 67 Законов гражданских, в соответствии с которой дети от браков, где одна из сторон принадлежала к православному исповеданию, подлежали обязательному крещению по православному обряду. Указом «Об укреплении начал веротерпимости» эта норма не была отменена. В нем лишь была предусмотрена возможность перемены вероисповедания детей в случае перехода в другую веру обоих родителей. Как гласил второй пункт указа 17 апреля 1905 г., «при переходе одного из исповедующих ту же самую христианскую ве-

---

⁶⁷ Там же. Оп. 7. Д. 348. Л. 5, 24 об.

⁶⁸ Там же. Л. 9.

⁶⁹ Там же. Л. 7.

ру супругов в другое вероисповедание, все не достигшие совершеннолетия дети остаются в прежней вере, исповедуемой другим супругом, а при таком же переходе обоих супругов дети их до 14 лет следуют вере родителей, достигшие же сего возраста остаются в прежней своей религии»⁷⁰. О возможности крещения в неправославную веру детей, один из родителей которых являлся православным, в указе ничего не говорилось и, таким образом, для этих случаев оставалось в силе прежнее правило. Исправляющий обязанности прокурора Эчмиадзинского Синода Мелик Огаджанов в своем отношении от 25 января 1908 г. указал на несоответствие синодального циркуляра точному смыслу российских законов⁷¹. Армянские иерархи прислушались к мнению чиновника. На заседании Синода от 21 марта 1908 г. было вынесено постановление об отмене циркуляра от 2 августа 1906 г. Новое определение армянской церковной власти гласило, что, «во-первых, брак лица армяно-григорианского исповедания с лицом православным безусловно совершается по обряду Православной Церкви, и, во-вторых, крещение детей, рожденных от таковых браков, совершается по православному же обряду, если православный родитель остается в своей вере, а когда этот родитель переходит в армяно-григорианскую веру, дети моложе 14-летнего возраста должны следовать общей вере родителей, то есть исповеданию нашей Церкви, а дети старше 14 лет остаются православными до достижения ими совершеннолетнего возраста, после чего могут уже свободно избрать себе вероисповедание по своему желанию»⁷².

Казалось бы, новое распоряжение армянского Синода полностью соответствовало нормам Законов гражданских и указа о веротерпимости. Однако высшие российские чиновники сочли, что это не так. 17 марта 1911 г. Министерство внутренних дел через Департамент духовных дел иностранных исповеданий направило предложение Эчмиадзинскому армяно-григорианскому Синоду, в котором оспаривало правильность некоторых его постановлений (предложение было подписано товарищем министра С.Е. Крыжановским и директором Департамента духовных дел А.Н. Харузиным). В частности, Министерство сочло неправильным вытекавшее из общего смысла синодальных распоряжений от 2 июня 1906 г. и 21 марта 1908 г. положение о том, что «брак лица православного вероисповедания с лицом армяно-григорианского исповедания может быть заключен по обряду Армяно-Григорианской Церкви только в том случае, ес-

---

⁷⁰ПСЗ—III. Т. XXV. № 26125. П. 2.

⁷¹РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 348. Л. 9 об.

⁷²Там же. Л. 9 об.—10.

ли лицо православного вероисповедания примет армяно-григорианскую веру, и что в противном случае брак православных с армяно-григорианами совершается по обряду Православной Церкви»⁷³. МВД в своем предложении ссылалось на пункт 4 статьи 93 Уголовного уложения, в соответствии с которым инославным священнослужителям под угрозой денежного штрафа запрещалось «совершение брака лица инославного исповедания с лицом заведомо православного исповедания прежде совершения брака православным священником»⁷⁴. Таким образом, венчание подобных браков в инославной церкви не запрещалось законом в принципе; санкция предусматривалась лишь за совершение инославного обряда прежде православного венчания. Как констатировалось в предложении Министерства, «закон не встречает препятствий, при желании лиц, вступающих в брак, и при соблюдении указанного условия (о совершении первого венчания по православному обряду. — И.А.) к повторению обряда бракосочетания и в армяно-григорианской церкви»⁷⁵. Между тем, постановлением Эчмиадзинского Синода от 2 июня 1906 г. и его циркуляром от 11 сентября того же года безусловно запрещалось венчание смешанных браков с православными по армяно-григорианскому обряду: условием такого венчания ставилось принятие православной стороной армяно-григорианской веры. Министерство полагало, что объявление данного условия «может повлечь за собой недопустимый законом прозелитизм со стороны армянского духовенства в случаях заключения подобного рода смешанных браков»⁷⁶.

Таким образом, Армянская Церковь подозревалась в образе действий аналогичном тому, который после 1905 г. наблюдался со стороны Католической Церкви в Российской империи. Получалось, что жених-армянин, для того, чтобы добиться благословения своей Церковью брака с православной невестой, должен был склонить ее к перемене веры. Как показывала практика, такие ситуации действительно имели место. Так, например, в 1909 г. проживавшая в Ставрополе вдова крестьянина Параскева Афанасьевна Жирова обратилась к местному губернатору с заявлением о своем намерении перейти из православия в армяно-григорианство. В беседе с епархиальным миссионером протоиереем Симеоном Никольским, которому было поручено провести увещание, необходимое в таких случаях, Жирова призналась, что она не имеет расположения

---

⁷³Там же. Л. 12.

⁷⁴СЗРИ. Т. XV. Уголовное уложение (изд. 1909 г.). № 93. П. 4.

⁷⁵РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 348. Л. 12–13.

⁷⁶Там же. Л. 13.

к армяно-григорианскому исповеданию и желает присоединиться к нему лишь для того, чтобы вступить в брак с армянином. Обратившись за разъяснением к священнику армянской церкви Ставрополя Сааку, протоиерей Никольский узнал от него, «что ввиду циркуляра Католикоса всех армян Мкртича I они, священники, не могут сочетать браком армянина с православной христианкой, хотя им дозволено совершать браки армян с католиками и лютеранами»⁷⁷. Как выяснилось впоследствии из рассмотрения данного дела, имелись в виду как раз упомянутые выше постановления Эчмиадзинского Синода от 2 июня и 11 сентября 1906 г.⁷⁸ (священник Саак не вполне корректно приписывал решение о запрете браков с православными в Армянской Церкви личной воле католикоса). Как сообщал епископ Ставропольский Агафадор в рапорте Святейшему Правительствующему Синоду Православной Церкви по поводу дела Параскевы Жировой, «случаи брачные с православными женщинами с переходом последних в армянство», аналогичные описанному эпизоду, имели место в его епархии неоднократно⁷⁹.

Подобные же эпизоды имели место при браках православных с католиками. Выше приводились данные IV Всероссийского миссионерского съезда, в соответствии с которыми в некоторых случаях ксендзы соглашались венчать такие браки под условием обещания православной стороной принять католичество впоследствии. Но гораздо чаще переход в католицизм выставлялся в качестве предварительного условия, необходимого для заключения брака по римскому обряду. В другом рапорте того же ставропольского епископа Агафадора, поданном в Святейший Синод также в 1909 г., рассказывалось о деле мещанки Марии Абрамовны Анохиной, объявившей о намерении перейти из православия в римско-католическое исповедание. В беседе с упомянутым уже протоиереем-миссионером Никольским Анохина мотивировала перемену религии следующим образом: «Я потому меняю веру православную на католическую, что ксендз не хочет венчать нас иначе, как если я приму католичество; прежде, говорит, был закон: можно было венчать и с православными католиков, а теперь новый закон — нельзя. Мой жених католик. Я с ним живу в незаконной связи уже четыре года. Ксендз лишает его за это причастия. Ну а потом — там строже насчет всего»⁸⁰. Под «новым законом», очевидно, подразумевался декрет Римской курии

---

⁷⁷РГИА. Ф. 796. Оп. 190. 4 отд. 3 ст. Д. 210. Л. 1.

⁷⁸Там же. Л. 22 об.

⁷⁹Там же. Л. 1 об.

⁸⁰Там же. Л. 7.

“*Ne temere*”, изданный 2 августа 1907 г., однозначно запрещавший совершение католического брачного обряда над не католиками⁸¹.

Случаи, подобные историям с Параскевой Жировой и Марией Анохиной, вызывали недовольство православного духовного ведомства, которое требовало от Министерства внутренних дел принятия мер для предотвращения инославного прозелитизма через посредство смешанных браков. Так, в августе 1909 г. Святейший Синод принял постановление, в котором утверждалось, что отказ инославных духовных лиц венчать своих прихожан с православными является нарушением российского закона, позволявшего заключение браков между лицами различных христианских конфессий. Члены Синода ссылались на статью 61 Законов гражданских, позволявшую последователям всех христианских исповеданий «невозбранно» вступать в браки между собой «по правилам и обрядам их Церквей»⁸². Синод полагал, что гражданская власть должна потребовать от духовных властей инославных исповеданий сделать распоряжение об обязательном венчании подведомственным им духовенством смешанных браков с православными. Более того, высший орган Православной Церкви требовал привлекать инославных священнослужителей, отказывавшихся от совершения подобных венчаний, к ответственности по статье 329 Уложения о наказаниях, предусматривавшей санкции для должностных лиц «за неприведение в исполнение Именных или объявляемых в установленном на сие порядке Высочайших указов и повелений» (минимальным наказанием, предусмотренным этой статьей, было отрешение от должности, а максимальным — лишение всех прав состояния и ссылка в каторжные работы на время от десяти до двенадцати лет)⁸³.

П.А. Столыпин не поддержал требование православных иерархов. С его точки зрения государственная власть не имела в данном случае основания для вмешательства во внутренние дела инославных Церквей. В отзыве на имя обер-прокурора Святейшего Синода С.М. Лукьянова от 22 мая 1910 г. министр внутренних дел (он же глава правительства) обращал внимание на тот факт, что в статье 61 Законов гражданских, на которую ссылались синодалы, речь шла о совершении браков христиан «по правилам и обрядам их Церквей», и, таким образом, российский закон признавал значимость внутрицерковных правил и норм, без соблюдения которых брак не мог быть заключен. Это относилось к ограни-

---

⁸¹ Там же. Л. 46.

⁸² СЗРИ. Т. X. Ч. 1. № 61.

⁸³ Там же. Т. XV. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (изд. 1885 г.). № 190; РГИА. Ф. 796. Оп. 190. 4 отд. 3 ст. Д. 210. Л. 12 об. — 13.

чениям, установленным в отношении смешанных браков духовными властями Римско-Католической и Армяно-Григорианской Церквей. По словам П.А. Столыпина, 61 статья не давала государству права «требовать от католического духовенства совершения, вопреки канонам его Церкви, обряда венчания над лицами, не состоящими членами оной»⁸⁴. Того же мнения глава правительства и МВД держался относительно Армянской Церкви⁸⁵.

В отношении на имя обер-прокурора от 23 ноября 1910 г. П.А. Столыпин указывал, что, согласно российскому законодательству (статья 67 Законов гражданских), смешанный брак с участием православной стороны обретает законную силу лишь после его венчания в православной церкви⁸⁶, а последующее повторение обряда в церкви инославного исповедания является необязательным, «факультативным на усмотрение обоих брачующихся»⁸⁷. В данном случае премьер был абсолютно прав в юридическом отношении (более того, совершение инославного обряда прежде православного являлось уголовно наказуемым деянием). Подчеркивая, что «совершение или несовершение инославного обряда не влияет на действительность брачного сопряжения»⁸⁸, П.А. Столыпин приходил к заключению, что требование, которое Синод считал необходимым предъявить инославному духовенству, являлось излишним с точки зрения закона. Более того, оно было невыполнимо на практике. В частности, «государственная власть, (...) без сомнения, не располагала бы законными средствами для действительного понуждения римско-католических священников исполнять требования, противоречащие их каноническим обязанностям, так как уголовное законодательство, определяя наказания за совершение над православным обрядов по правилам инославных исповеданий, не содержит в себе карательных постановлений за отказ в совершении таковых обрядов в тех случаях, когда закон не воспрещает, но и не повелевает совершать их»⁸⁹.

Святейший Синод вынужден был согласиться с позицией главы МВД, подкрепленной юридически безупречными аргументами, и на заседании от 23 декабря 1910 г. постановил дело, возбужденное в связи с рапортами ставропольского епископа, «почитать конченным»⁹⁰.

---

⁸⁴РГИА. Ф. 796. Оп. 190. 4 отд. 3 ст. Д. 210. Л. 41.

⁸⁵Там же. Л. 5–6.

⁸⁶СЗРИ. Т. X. Ч. 1. № 61.

⁸⁷РГИА. Ф. 796. Оп. 190. 4 отд. 3 ст. Д. 210. Л. 55.

⁸⁸Там же.

⁸⁹Там же. Л. 56.

⁹⁰Там же. Л. 58.

Тем не менее, проблема прозелитизма, связанного со смешанными браками, оставалась актуальной. Армяне и католики при вступлении в брак с православными обычно желали, чтобы он был заключен по обрядам их Церкви (одно только православное венчание их не устраивало). Однако армяно-григорианское и римско-католическое духовенство, ссылаясь на постановление собственных церковных властей, соглашалось на совершение брачного обряда лишь при условии перехода православной стороны в соответствующее вероисповедание. В результате на инославных духовных лиц периодически возводились обвинения в «сворачивании православных». Обвинения эти нашли отражение и в цитированном выше предложении Министерства внутренних дел Эчмиадзинскому Синоду от 17 марта 1911 г. (несомненно, оно было составлено под давлением православной духовной власти, которому П.А. Столыпин на сей раз, по-видимому, не смог противостоять).

Армянские иерархи вынуждены были оправдываться. В отношении от 20 января 1912 г., отправленном в ответ на предложение МВД, Эчмиадзинский Синод заявлял, что постановления, вынесенные им по поводу смешанных браков, вовсе не имеют в виду прозелитизма в отношении православных. Члены армянского Синода утверждали, что они руководствовались «действующими законоположениями», согласно которым «смешанные браки между лицами православного и армяно-григорианского исповеданий должны быть совершаемы по обряду Православной Церкви», а также «духом учения Армянской Церкви о святости таинств Христианской Церкви вообще»⁹¹, что исключало возможность совершения одного и того же таинства дважды. Таким образом, с точки зрения армянской церковной власти, православный брак был вполне действительным сам по себе, и потому не подлежал повторению в Армяно-Григорианской Церкви (более того, такое повторение рассматривалось как кощунственное действие). Русская Православная Церковь, как видно из вышеизложенного, не разделяла тезиса о неповторяемости венчания, вполне допуская повторение его в церкви другого вероисповедания при заключении межконфессионального брака. Православные иерархи даже считали в таких случаях повторное венчание желательным и требовали от государственной власти обязать инославное духовенство благословлять смешанные браки. Тем не менее, Министерство внутренних дел сочло возможным уважить позицию Армянской Церкви в данном вопросе. В отношении Министерства от 12 июня 1913 г. в канцелярию кавказского наместника говорилось, что разъяснение Эчмиадзинского Синода о недопустимости по

---

⁹¹РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 348. Л. 14–15.

армяно-григорианским канонам вторичного совершения бракосочетания признано не противоречащим гражданским законам⁹².

Гораздо более уязвимой оказалась позиция Армянской Церкви по вопросу о крещении детей от смешанных браков. Как уже было сказано, Эчмиадзинский Синод постановлением от 21 марта 1908 г. отменил собственный циркуляр 2 августа 1906 г., которым дозволялось крестить детей от браков между православными и армяно-григорианами по армянскому обряду, определив, что они подлежат крещению в православие, и лишь в случае перехода православного супруга в армяно-григорианство, дети, не достигшие 14-летнего возраста, должны следовать общей вере родителей (при этом давалась ссылка на 2 пункт высочайшего указа 17 апреля 1905 г., где говорилось о необходимости перемены веры несовершеннолетних детей в случае перехода в другое вероисповедание обоих супругов). МВД не соглашалось даже с этой компромиссной формулой. В том же самом предложении от 17 марта 1911 г. от лица товарища министра внутренних дел С.Е. Крыжановского говорилось следующее: «Признавая правильным разъяснение Синода, что дети, происходящие от смешанных браков православных с армяно-григорианами, должны быть окрещаемы по обряду Православной Церкви, я вместе с тем нахожу, что указание Синода на допустимость окрещения по армяно-григорианскому обряду детей от таковых браков в случае перехода супруга православного в армяно-григорианство не вытекает из точного смысла Высочайшего Указа 17 апреля 1905 года, коим предусмотрены лишь случаи: а) перехода одного из исповедующих ту же самую христианскую веру супругов в другое вероисповедание, причем все недостигшие совершеннолетия дети остаются в прежней вере, исповедуемой другим супругом и б) перехода обоих супругов в другую веру, при таком условии дети их до 14 лет следуют вере родителей, достигшие же сего возраста остаются в прежней своей религии. Таким образом, окрещение по армяно-григорианскому обряду детей, происшедших от смешанного брака лиц православного исповедания с армяно-григорианами, в случае перехода православного родителя в армяно-григорианство приведенным Высочайшим Указом не предусмотрено, в виду чего и могло бы быть допускаемо при наличии достаточных уважений единственно в путях Монаршей милости»⁹³.

Как видно из приведенного пассажа, высшие государственные инстанции придерживались буквалистического толкования указа «Об укреплении на-

---

⁹²Там же. Л. 28-29.

⁹³Там же. Л. 13-13 об.

чал веротерпимости». Действительно, в его втором пункте упоминалось лишь о двух вариантах: когда один из единоверных супругов переходил в иное вероисповедание, и когда два супруга меняли веру совместно. О том случае, когда в смешанном браке один из супругов переходил в веру другого, ни в этом указе, ни в других российских законах ничего прямо не говорилось.

Указанная коллизия имела место также в связи с православно-католическими браками. Так, в записке членов Государственного Совета А. Мейштовича, К. Скирмунта и С. Лопацинского от 15 января 1915 г., посвященной проблеме реализации права на свободу вероисповедания католиками Западного края, отмечалось, что «Департамент Духовных Дел и местные власти не признают католиками детей, происшедших от смешанных браков, даже в тех случаях, когда супруг, бывший православным при рождении детей переходит затем в католичество. Так, например, в семье, где отец — католик, а мать, бывшая православною при рождении детей, переходит затем, при жизни или после смерти мужа в католичество, дети остаются православными»⁹⁴. Ярким примером подобного подхода было дело супругов Сармант, проживавших в имении Чудзеневицы Минского уезда и одноименной губернии. Изначально их брак являлся смешанным. Томаш Станиславович Сармант был католиком, а его жена Мария Антоновна исповедовала православие. Однако в 1914 г. она подала заявление губернатору о переходе в католичество. Мария просила присоединить к Католической Церкви также и четырех своих детей. К прошению присоединялся и муж. Переход в католицизм самой Марии Сармант со стороны власти препятствий не встретил, но в отношении детей ходатайство супругов минским губернатором было отклонено⁹⁵.

Нелепость описанной ситуации очевидна. Понятно, что осуществить воспитание детей в той вере, к которой не принадлежал ни один из супругов, было практически невозможно. Смысл второго пункта указа 17 апреля состоял именно в том, чтобы поставить вероисповедание несовершеннолетних детей в зависимость от вероисповедания родителей, с тем, чтобы, в случае единоверия мужа и жены, дети следовали общей для них религии. Умолчание о том случае, когда единство веры супругов было следствием смены вероисповедания одним из них, по-видимому, было лишь упущением составителей законодательного акта.

Позиция Министерства внутренних дел относительно толкования данного положения высочайшего указа, также как и его претензии к постановле-

---

⁹⁴РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 604. Л. 259 об.

⁹⁵Там же. Л. 296.

ниям армянской церковной власти о смешанных браках, была в значительной степени обусловлена давлением со стороны иерархов господствующей Церкви. Постановление Эчмиадзинского армяно-григорианского Синода от 21 августа 1908 г. ранее было подвергнуто критике Святейшим Правительствующим Синодом Русской Православной Церкви на его заседании от 14 января 1910 г. В постановлении православного Синода утверждалось, что в соответствии со строгим смыслом указа 17 апреля, несовершеннолетние дети «следуют вере родителей, переходящих в другое исповедание лишь тогда, когда эти родители исповедовали одну и ту же (подчеркнуто в оригинале. — *И.А.*) христианскую веру»⁹⁶. Затем шла ссылка на статью 67 Законов гражданских, согласно которой дети от смешанных браков с участием православной стороны подлежали обязательному крещению и воспитанию в православной вере. Обязательство это, по мнению Святейшего Синода, сохраняло силу даже в случае перехода православного родителя в веру своего инославного супруга. При всей странности данной позиции с точки зрения здравого смысла нужно признать, что ее отстаивание синодалами основывалось на известной логике. Целью Святейшего Синода было охранение «первенствующего и господствующего» статуса Православной Церкви (который, как многим казалось, был поколеблен после введения в российское законодательство принципа свободы совести) и защита ее чад от возможного инославного прозелитизма. Если бы было официально признано, что обращение православного супруга в инославие влечет за собой смену вероисповедания всей семьи, это обстоятельство могло бы поощрить попытки инославного духовенства использовать смешанные браки в прозелитических целях. Изложив свои соображения относительно толкования спорного пункта указа о веротерпимости, Святейший Синод давал поручение обер-прокурору С.М. Лукьянову просить П.А. Столыпина в качестве главы МВД разъяснить армяно-григорианскому Синоду неправильность его позиции.

П.А. Столыпин в своем подходе к данному вопросу был не так категоричен, как православные иерархи. В отношении от 3 апреля 1910 г., содержавшем ответ на запрос обер-прокурора, говорилось, с одной стороны, что Министерство внутренних дел «вполне разделяет соображения Святейшего Синода относительно неправильности указанного толкования п. 2 Высочайшего Указа 17 апреля 1905 года и по поступающим на его разрешение частным случаям настаивает на точном соблюдении приведенного пункта Высочайшего Указа»⁹⁷.

---

⁹⁶РГИА. Ф. 796. Оп. 190. 4 отд. 3 ст. Д. 210. Л. 29.

⁹⁷Там же. Л. 31.

Таким образом, признавалось, что с юридической точки зрения позиция Синода являлась безупречной. Вместе с тем П.А. Столыпин отмечал расхождение в данном случае между буквой и духом закона. Как говорилось далее в том же отношении, «Министерство находит, что буквальное применение данного пункта, допускающее перемену веры малолетних детей исключительно при условии единовременного перехода обоих родителей в другую веру, несомненно противоречит духу содержащейся в Указе 17 апреля 1905 года Высочайшей воли»⁹⁸. Ссылаясь на суждения в Комитете министров, предшествовавшие принятию указа (суждения эти нашли отражение в высочайше утвержденном 17 апреля 1905 г. журнале Комитета), П.А. Столыпин выражал убеждение, что «законодатель имел в виду в данном случае обеспечить религиозное воспитание детей в религии, исповедуемой обоими родителями, независимо от единовременной перемены ими веры»⁹⁹. Не находя возможным дать однозначное решение возникшей коллизии, МВД сочло необходимым обратиться к Правительствующему Сенату, чтобы тот дал свое суждение относительно истолкования спорного пункта закона.

6 октября 1910 г. высший судебный орган империи вынес свое определение (указ) по данному поводу. В указе Правительствующего Сената констатировался тот факт, что «п. 2 Именного Высочайшего Указа 17 апреля 1905 года <...> предусматривает переход малолетних детей в другое вероисповедание лишь при переходе в это исповедание обоих родителей». Вместе с тем Сенат признал, что вопрос о возможности перемены религии детей в случае изменения вероисповедания одним из родителей или усыновителей «подлежит разрешению в законодательном порядке»¹⁰⁰, то есть по этому вопросу необходимо издание специального узаконения. Таким образом, Сенат фактически согласился с буквальным толкованием спорного положения закона, на котором настаивал Святейший Синод. Что же касается указания на необходимость законодательного разрешения обозначенной проблемы, то оно так и осталось благим пожеланием. Вплоть до 1917 г. никакого особого закона по данному вопросу так и не было принято.

Прямолинейное толкование второго пункта указа о веротерпимости (отстаиваемое православным Синодом и подтвержденное Сенатом) нашло отражение в цитированном выше предложении МВД Эчмиадзинскому Синоду от 17

---

⁹⁸Там же.

⁹⁹Там же. Л. 31 об.

¹⁰⁰РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 604. Л. 296 об.

марта 1911 г. Впрочем, в этом документе формулировка была не столь жесткой. Говорилось о возможности крещения по армянскому обряду детей, один из родителей которых перешел в армяно-григорианство «при наличии достаточных уважений (то есть уважительных причин. — И.А.) <...> в путях Монаршей милости»¹⁰¹. Эчмиадзинский Синод пытался оспорить формулу МВД и отстоять свою прежнюю позицию, обратившись за разъяснением в Правительствующий Сенат. Делу, однако, не было дано хода на том основании, что обращение было подано с нарушением установленных законом процессуальных норм¹⁰². Впрочем, если бы даже запрос армянских иерархов был рассмотрен высшим судом империи, едва ли его решение отличалось бы от того, которое было вынесено ранее в ответ на запрос МВД.

Ситуация, возникшая в связи со спорами относительно применения второго пункта указа 17 апреля 1905 г. к смешанным семейным парам ярко выявила несовершенство действовавших в России вероисповедных законов, а также отсутствие разумного баланса в законодательстве и реальной политике между старым принципом охранения прав «первенствующей господствующей Церкви» и новым принципом свободы совести.

6. Смешанные браки раскольников

До 1905 г. православные не могли вступать в законное супружество с последователями вероучений, причисленных к категории «раскол». Этот запрет был зафиксирован в статье 33 Законов гражданских: «Брак правоверных с раскольниками допускается не иначе, как по принятии сими последними Церкви святой соединение с присягою»¹⁰³, то есть предварительным условием для венчания раскольника с членом господствующей Церкви было присоединение к православию. Такая строгая норма была обусловлена предосторожностью против соращения православных в раскол, которое было гораздо более частым явлением, чем соращение в инославие. Инославные Церкви, как правило, ограничивали свою деятельность рамками этнических групп, приверженных соответствующему вероисповеданию, между тем секты и старообрядческие толки постоянно стремились пополнить ряды своих адептов за счет православного русского населения, в среде которого они изначально возникли. Учитывая прису-

---

¹⁰¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 348. Л. 13 об.

¹⁰² Там же. Л. 19 об.

¹⁰³ СЗРИ. Т. X. Ч. 1. № 33.

щий раскольникам фанатизм, ожидать от них уважения к вере своих православных супругов представлялось практически невозможным.

Что касается браков между русскими раскольниками и последователями инославных Церквей, то на этот счет в законе не было никаких указаний. Запрета на подобные брачные союзы не существовало, и, вместе с тем, не было никаких норм, регулировавших их заключение. На практике такого рода браки совершались, о чем мы можем судить из дел Департамента духовных дел иностранных исповеданий. Так, в 1885 г. в указанный Департамент поступило прошение на высочайшее имя от старообрядки беспоповского толка Веры Шмидт (урожденной Морозовой), состоявшей с 1881 г. в браке с немцем-лютеранином, рижским гражданином по цеховому окладу Павлом Николаем Адамом Шмидтом (причем венчание было совершено по раскольническому обряду, и факт бракосочетания в соответствии с законом 1874 г. был зафиксирован в полицейской метрической книге). Вера Шмидт просила разрешения воспитывать уже рожденных в браке детей в вере своих родителей, то есть в старообрядчестве. В качестве аргумента просительница ссылалась на предписание закона воспитывать детей от браков православных с инославными в правилах господствующей религии. В прошении утверждалось, что «старообрядчество по отношению к католической и протестантской религиям является только отраслью восточной Греческой Церкви и со стороны последней не объявлено и не признано еретичеством». То есть старообрядчество в некотором смысле является ветвью православия, а значит должно иметь преимущество перед инославными исповеданиями. Просительница заявляла, что именно это обстоятельство давало ей право крестить своих детей «по правилам и чину старообрядческого поморского согласия». Однако поскольку «в гражданских законах не предусмотрен случай, в какой вере должны быть воспитываемы дети от мужа лютеранина и жены старообрядки», Вера Шмидт желала, чтобы «во избежание семейственных беспорядков» ее решение было подтверждено высочайшей санкцией¹⁰⁴. О прошении было доложено И.Н. Дурново, занимавшему тогда пост товарища министра внутренних дел (при министре Д.А. Толстом). Резолюция сановника гласила, что он не находит препятствий для удовлетворения ходатайства, поскольку «действующими узаконениями коренным раскольникам, то есть состоящим в секте от рождения, не возбраняется воспитывать своих детей в духе религиозных воззрений, усвоенных самими родителями». Товарищ министра не нашел в деле Веры Шмидт обстоятельств, «которые подлежали бы представлению на Высочайшее Его Импе-

---

¹⁰⁴РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 643. Л. 4.

раторского Величества благовоззрение»¹⁰⁵. То есть правомерность ее просьбы казалось ему очевидной и не требовавшей разрешения на столь высоком уровне.

Положительное решение по данному конкретному ходатайству не означало однако, что российская власть разделяла тезис о том, что старообрядческий раскол является «отраслью» Православной Церкви и что детей от браков раскольников с инославными надлежит воспитывать непременно в расколе. В 1896 г. министр внутренних дел И.Л. Горемыкин наложил положительную резолюцию на прошение евангелическо-лютеранской Генеральной консистории, которая испрашивала разрешение окрестить по лютеранскому обряду детей купца Федора Бернгарда Тиме и его жены Дарьи, урожденной Вавиловой, принадлежавшей, так же как Вера Шмидт, к старообрядчеству беспоповского направления. Как констатировалось в прошении, «предварительно внесения сего дела на обсуждение Генеральной Консистории, Президент ее обращался к Обер-Прокурору Святейшего Синода с просьбою о сообщении заключения, распространяется ли воспрещение лютеранским проповедникам совершать браки лютеран с лицами православного исповедания также и на браки членов Евангелическо-Лютеранской Церкви с лицами, принадлежащими к беспоповщицкой секте». На этот запрос от К.П. Победоносцева был получен отзыв, заключающийся в том, что «раскольники, как уклонившиеся от послушания Святой Православной Церкви, не принадлежат к числу истинных ее чад», следовательно «дела о расколе подлежат ближайшему ведению Министерства Внутренних Дел»¹⁰⁶.

Таким образом, браки раскольников и последователей инославных Церквей заключались таким же образом, как смешанные браки между лицами различных инославных исповеданий. Венчание таких браков могло совершаться как духовными лицами старообрядческих общин, так и инославными священнослужителями, и дети могли воспитываться в вере любого из родителей. Брак Веры Морозовой и Павла Шмидта был венчан «по обрядам и правилам старообрядческого беспоповского толка»¹⁰⁷ и по тому же обряду крещены дети. В то же время брак Федора Тиме и Дарьи Вавиловой был заключен по евангелическо-лютеранскому обряду, и дети крещены в лютеранство¹⁰⁸. В обоих случаях власть сочла действия супругов правомерными. Отсюда можно сде-

---

¹⁰⁵ Там же. Л. 5.

¹⁰⁶ Там же. Л. 17 об.

¹⁰⁷ Там же. Л. 3.

¹⁰⁸ Там же. Л. 18.

лать вывод, что уже в конце XIX века российские государственные чиновники были склонны рассматривать раскольнические толки как самостоятельные вероучения, а не как отколовшиеся ветви православия.

Запрет на брачные союзы раскольников с последователями господствующей Церкви был отменен указом 17 апреля 1905 г. Его 11 пунктом предусматривалось «уравнять в правах старообрядцев и сектантов с лицами инославных исповеданий в отношении заключения ими с православными смешанных браков»¹⁰⁹. В соответствии со статьей 3 раздела IV высочайше утвержденного того же числа положения Комитета министров министру внутренних дел давалось поручение разработать и внести на рассмотрение Государственного Совета «предположение» (проект) об отмене 33 статьи Законов гражданских и установлении взамен нее правил, регулирующих заключение браков православных со старообрядцами и сектантами¹¹⁰. Министерство внутренних дел вскоре внесло в Государственный Совет представление, суть которого заключалась в распространении на сектантов и старообрядцев правил статьи 67 Законов гражданских о браках между православными и инославными христианами. Однако представление не получило положительного разрешения. В ходе его обсуждения в Соединенных Департаментах возобладало мнение о том, что положения указанной статьи не могут быть автоматически применены к последователям русского раскола. Проблема заключалась в специфике вероучения ряда сект и старообрядческих толков. Некоторые из них в принципе отвергали брак, имелись также течения, не допускавшие для своих последователей никакого общения с чадами Православной Церкви, включая, разумеется, и брачные соприкосновения. Как констатировалось в одной из записок Департамента духовных дел, «при ближайшем ознакомлении с предметом оказалось, что издание одного общего закона о браках православных со старообрядцами и сектантами в высшей степени затруднительно и даже едва ли возможно»¹¹¹.

Впредь до издания специального закона требовалась выработка хотя бы временных правил относительно подобных брачных союзов. Такие правила были установлены в определении Святейшего Синода от 26 октября – 9 ноября 1905 г., изданном после «ходатайства одного из епархиальных начальств повенчать по чину Православной Церкви лицо, принадлежащее к старообрядчеству

---

¹⁰⁹ПСЗ–III. Т. XXV. № 26125. П. 2.

¹¹⁰ПСЗ–III. Т. XXV. № 26126. Разд. IV, Ст. 3.

¹¹¹РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 604. Л. 237.

без присоединения его к православию с лицом православного исповедания»¹¹². В соответствии с этим определением венчание православных со старообрядцами могло быть совершаемо в православной церкви. Синодальное определение подразумевало, что в каждом случае такого брака старообрядец или сектант должен обращаться с прошением к епархиальному архиерею. При этом от просящего необходимо было «истребовать предбрачное о нем свидетельство старообрядческого наставника или удостоверение полиции о внебрачном его состоянии и правоспособности к вступлению в брак». Также лица, принадлежавшие к старообрядчеству, должны были давать подписку, аналогичную той, которую давали инославные христиане перед венчанием с православными — о том, что они не будут поносить своих супругов за православие и что рожденные в браке дети будут крещены и воспитаны в православной вере. Аналогичные условия были установлены для сектантов¹¹³.

Что касается законодательного решения данного вопроса, то здесь Синод и церковные деятели настаивали на крайне осторожном подходе. При этом акцентировалось внимание на том обстоятельстве, что многие русские секты и некоторые из направлений, причислявшихся к старообрядчеству, отклонились от самых основ христианства, и потому браки православных с адептами таких течений были в принципе невозможны с точки зрения церковных канонов. В частности, в целом ряде сектантских учений подверглись искажению или даже совершенно отвергались базовые догматы христианства — учение о Троице и богочеловечестве Христа. Кроме того, имелись секты и толки, отвергавшие водное крещение (например, молоканство). Их приверженцы не могли вступать в браки по православному обряду, поскольку с точки зрения церковного учения и канонов, таинство венчания может быть совершено лишь над человеком крещеным. Когда в 1907 г. Министерством внутренних дел был поднят вопрос о пересмотре законодательства, касающегося «семейственных прав», Святейший Синод заявил, что считает допустимым браки православных лишь с теми старообрядцами и сектантами, «которые веруют в Господа Иисуса Христа, как Воплотившегося Сына Божия и Искупителя мира, и имеют водное крещение, правильно совершенное и потому при принятии в Православную Церковь неповторяемое и под неперменным условием разрешения епархиального Архиерея

---

¹¹²Сборник материалов по вопросам о смешанных браках и вероисповедании детей, от сих браков происходящих. СПб., 1906. С. 453.

¹¹³Там же.

в каждом случае таких браков»¹¹⁴. В итоге проблема браков представителей господствующей Церкви с сектантами и староверами так и не получила специального законодательного урегулирования. Когда возникал вопрос о совершении подобных венчаний, православные священнослужители на местах должны были руководствоваться правилами из упомянутого выше синодального определения.

В указе «Об укреплении начал веротерпимости» и изданных вслед за ним религиозных законах ничего прямо не говорилось относительно браков последователей сектантства и старообрядчества с инославными. Казалось бы, допущение таких браков было самоочевидным в силу состоявшегося уравнивания в правах «раскольниковских» религиозных обществ с другими неправославными христианскими исповеданиями (которое вытекало из общего смысла законов, изданных в 1905–1906 гг.). Тем не менее, сохранявшийся в этом отношении пробел в законодательстве порождал в ряде случаев недоумения. Так, в 1911 г. член Нахичевано-Бессарабской армяно-григорианской консистории архимандрит Траир направил в Департамент духовных дел телеграмму с запросом о том, допустимо ли венчание по армянскому обряду старообрядца с армяно-григорианкой. Ответная телеграмма за подписью вице-директора Департамента гласила: «Обвенчанию в армянской церкви старообрядцев с армяно-григорианцами препятствий нет»¹¹⁵. В 1912 г. администратор севастопольской римско-католической церкви Франц Козловский направил рапорт своему духовному начальнику епископу тираспольскому Кесслеру, прося последнего разъяснить, «может ли католический священник венчать католика со старообрядкою и могущих произойти от такого брака детей крестить и воспитывать по римско-католическому исповеданию»¹¹⁶. Кесслер запросил мнение по этому вопросу Департамента духовных дел, мотивируя необходимость специального разъяснения тем, что «подобных случаев еще не было»¹¹⁷. Католическому епископу, так же, как ранее армяно-григорианскому духовному начальству был дан утвердительный ответ, гласивший, что подобных действий «закон не возбраняет»¹¹⁸. Очевидно, что, вынося подобные резолюции, чиновники Министерства внутренних дел руководствовались известным правовым принципом:

---

¹¹⁴РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 693. Л. 90.

¹¹⁵РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 710. Л. 1.

¹¹⁶Там же. Л. 3.

¹¹⁷Там же.

¹¹⁸Там же. Л. 4.

«что не запрещено, то разрешено». По-видимому, такого рода браки заключались довольно редко, и потому издание о них особого узаконения никогда не рассматривалось властью в качестве первоочередной задачи.

7. Браки христиан с нехристианами

Законы Российской империи строго оберегали преимущество христианских религий перед нехристианскими, в том числе в вопросах брачного права. Христианин мог венчаться лишь по христианскому обряду. Православная и Католическая Церкви не допускали браков своих последователей с нехристианами. Запрещение подобных супружеских союзов для православных и католиков было зафиксировано в статье 85 Законов гражданских¹¹⁹. Армяно-Григорианская Церковь также не венчала своих последователей с лицами нехристианских исповеданий (хотя в законе данный факт не был специально оговорен). Браки с нехристианами дозволялись Евангелическо-Лютеранской Церковью, что было оговорено в ее Уставе¹²⁰ и подтверждалось в Законах гражданских¹²¹. Правда, лютеранам и прочим протестантам запрещались браки с ламаитами и язычниками¹²², им было разрешено вступление в брак лишь с мусульманами и иудеями. В статье 328 Уставов духовных дел иностранных исповеданий перечислялись условия, при которых супружеские союзы лиц евангелическо-лютеранского исповедания с «Магометанами и Евреями» признавались законными. Требовалось: «1) чтобы лицо, исповедующее Христианскую веру, предварительно испросило на то дозволение местной Консистории; 2) чтобы бракосочетание совершалось только Евангелическо-Лютеранским проповедником и по обряду сей Церкви, а отнюдь не по обычаям Магометан или Евреев; 3) чтобы другая сторона обязалась подпискою пред Консисториею крестить и воспитывать могущих произойти от сего брака детей обоего пола в Евангелическо-Лютеранской, или же, буде обе стороны сего желают, в Православной вере, будучи готова в противном случае подвергнуться строжайшему наказанию, и обещалась также, что она ни угрозами или обольщением не будет стараться совратить супругу или супруга или детей своих в свою веру и не будет препятствовать им в свободном исповедании христианства; сверх сего супруг нехристианин при бракосочетании с Христианкою обязан отказаться от многоженства»¹²³.

---

¹¹⁹СЗРИ. Т. X. Ч. 1. № 85.

¹²⁰Там же. Т. XI. Ч. 1. № 328.

¹²¹Там же. Т. X. Ч. 1. № 87.

¹²²Там же. Т. X. Ч. 1. № 85. Т. XI. Ч. 1. № 329.

¹²³Там же. Т. XI. Ч. 1. № 328.

Нарушение ограничений, касавшихся браков христиан с нехристианами, каралось в уголовном порядке. В соответствии со статьей 1564 Уложения о наказаниях лица православного исповедания за вступление в брак с нехристианами карались заключением в тюрьме на четыре месяца. Впрочем, уголовная ответственность для православного отменялась, если лицо иноверческого исповедания, заключившее с ним супружеский союз, обращалось в христианство¹²⁴. Статья 1568 того же Уложения предусматривала тюремное заключение сроком на два месяца и двадцать дней для лиц римско-католического вероисповедания за бракосочетание с нехристианами, а также для лютеран за вступление в брак с язычниками и за брак с мусульманами и иудеями в том случае, если последний был совершен «без соблюдения предписанных в Уставе Евангелическо-Лютеранской Церкви правил»¹²⁵. В Уголовном уложении 1903 г. взамен этих двух статей вводилась статья 415, предусматривавшая для лица любого христианского исповедания за «вступление вопреки закону (то есть с нарушением установленных законом правил и ограничений. — И.А.) в брак с заведомо нехристианином» наказание в виде ареста¹²⁶ (то есть заключение на срок от одного до шести месяцев). Однако эта статья, входившая в главу XIX Уголовного уложения «О преступных деяниях против прав семейственных» вплоть до 1917 г. так и не вступила в действие на большей части территории Российской империи (за исключением Прибалтики). Поэтому продолжали действовать упомянутые выше статьи Уложения о наказаниях в редакции 1885 г.

Запреты относительно браков христиан с иноверцами касались лишь тех случаев, когда подобного рода браки заключались лицами, уже принадлежавшими к христианской вере. Если же брак стал смешанным вследствие крещения одного из супругов, ранее исповедовавшего нехристианскую веру, вступали в действие иные правила.

Особое отделение в Законах гражданских было посвящено «бракам лиц новокрещеных»¹²⁷. Речь там шла преимущественно о лицах, обратившихся из нехристианских исповеданий в православие (поскольку православная миссия среди некрещеных инородцев государством поощрялась, а прозелитизм иностранных Церквей, напротив, существенно ограничивался). В соответствии с законом (который в данном случае совпадал с православными каноническими

---

¹²⁴ Там же. Т. XV. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (изд. 1885 г.). № 1564.

¹²⁵ Там же. № 1568.

¹²⁶ Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб., 1903. С. 83. № 415.

¹²⁷ СЗРИ. Т. X. Ч. 1. № 79–84.

нормами), если один из супругов-нехристиан крестился, а другой оставался в прежней вере, то их брачный союз мог сохраниться в силе даже без освящения церковным венчанием¹²⁸. Правда, при этом устанавливался ряд условий. Муж-иноверец, если он желал и далее пребывать в браке с крещеной женой, должен был дать подписку, аналогичную той, которую давали инославные супруги при браке с православными — о том, что не будет препятствовать супруге исповедовать православие, и что все дети, рожденные после ее обращения будут крещены в православную веру. Кроме того, он должен был «состоять с принявшею св. крещение, во все время ее жизни, или доколе продолжится брак их, в единобрачном сожителстве, откинув прочих жен, если имеет»¹²⁹. Аналогичным образом, иноверец, принявший крещение, если он состоял до этого в полигамном браке, обязан был избрать из своих жен одну (при этом, предпочтение отдавалось той, которая согласилась креститься вместе с мужем). Это же правило распространялось и на жен, имевших нескольких мужей¹³⁰.

Особо строгие требования существовали для иудеев. Если один из супругов крестился в православие, а другой оставался в иудаизме, для продолжения их брака требовалась обоюдная подписка: сторона, принявшая крещение давала обязательство «иметь попечение» о приведении второго супруга через «увещание» к принятию православия, супруг же, пребывавший в иудействе, напротив, обязывался не поносить свою вторую половину за исповедание православной веры и не вмешиваться в религиозное воспитание могущих родиться впоследствии детей (которые также должны были принадлежать к Православной Церкви). Особо подчеркивалось в законе то обстоятельство, что, в случае расторжения брака с иудеем, на крещеного супруга продолжали распространяться все ограничения черты оседлости¹³¹. Естественно, такие жесткие условия служили стимулом скорее к расторжению, чем к сохранению подобных супружеских союзов (на что, видимо, и рассчитывали авторы закона, исходившие из идеи о принципиальном антагонизме между христианством и иудейством, почему и сосуществование этих религий в рамках одной семьи представлялось явлением нежелательным). В соответствии с высочайше утвержденным положением Комитета министров от 7 января 1842 г. после принятия иудеями христианской веры крещение совершалось также над их детьми, не достигшими семилетнего возраста.

---

¹²⁸ Там же. № 79.

¹²⁹ Там же. № 80.

¹³⁰ Там же. № 82.

¹³¹ Там же. № 81.

Когда же крестился только один из родителей, вслед за ним переходили в христианство дети одного с ним пола: сыновья в случае крещения отца и дочери в случае крещения матери¹³². Эта норма действовала как в отношении иудеев, принимавших православие, так и в отношении тех, кто переходил из иудаизма в другие христианские религии. Она была прописана в 6 пункте «Правил о принятии Евреев в иностранные христианские исповедания», представлявших собой приложение к статье 7 Тома XI Свода законов¹³³. Что же касается детей, рожденных после крещения одного из родителей, то они в любом случае должны были воспитываться в христианстве.

8. Коллизии между российским и зарубежным брачным правом

Следует также коснуться проблем, возникавших в связи с несогласованностью между брачным правом Российской империи и других европейских государств. Наиболее сложным для российских духовных и светских властей был вопрос об отношении к бракам, заключенным за границей гражданским порядком. Гражданский (секулярный) брак, то есть супружеский союз, обретавший юридическую силу посредством регистрации в государственном учреждении, существовал в ряде европейских государств уже в XIX веке. Российский же закон признавал только браки, заключенные по обрядам Христианских Церквей и иных религиозных сообществ. Полицейская регистрация, введенная для раскольников в 1874 г., как уже объяснялось выше, лишь по форме напоминала гражданский брак, но не являлась таковым по сути (то же самое можно сказать и о гражданской метрификации баптистов в соответствии с законом 1879 г.).

Вопрос об отношении к институту светского брака впервые остро встал перед Российским государством после возвращения в состав империи Южной Бессарабии в соответствии с Берлинским трактатом 1878 г. Данная территория, отторгнутая от России в результате Крымской войны, в течение почти двух десятилетий являлась частью Румынского королевства, где гражданский брак был введен в 1864 г. и признавался наравне с церковным. Когда после победоносного завершения войны 1877–1878 гг. южно-бессарабские земли вернулись под скипетр российского императора, возник ряд юридических проблем, связанных с семейным правом. А именно: могут ли в России считаться действительными браки ее новых подданных, заключенные по гражданскому чину в период пребывания данного региона в румынской юрисдикции, следует ли российской вла-

---

¹³²ПСЗ–II. Т. XVII. № 15198; СЗРИ. Т. IX. № 777.

¹³³СЗРИ. Т. XI. Ч. 1. Приложение к ст. 7. П. 6.

сти признавать решения румынских гражданских судов, которые в некоторых случаях расторгали браки, заключенные по православному обряду без наличия оснований, удовлетворительных с точки зрения церковных канонов (население Бессарабии, также как и Румынии, являлось православным по вероисповеданию).

Правила, регулировавшие решение этих вопросов, были разработаны Святейшим Синодом и утверждены императором 12 марта 1888 г. Согласно им «все вообще лица, вступившие при действии в крае прежних румынских законов в браки, гражданским порядком совершенные, без подтверждения оных церковным бракосочетанием» обязывались, если они желали сохранить в силе брачный союз, «вступить в брак по чину Православной Церкви и с соблюдением всех требуемых на сей предмет в Империи условий». Действительность на российской территории румынских гражданских браков признавалась лишь до момента вступления в силу указанных правил. Соответственно, дети, рожденные от подобных союзов до обнародования правил, признавались законными, а те, которые были рождены позднее (в случае неподтверждения брака церковным венчанием) обретали статус внебрачных детей. Вместе с тем, все постановления румынских судов о расторжении браков были признаны действительными с точки зрения российского закона и не подлежащими пересмотру. Делалась, однако, оговорка, в соответствии с которой супруги, желавшие возобновить свой брак, заключенный по церковному обряду и затем расторгнутый светским судом «по причинам, не приемлемым в нашем законодательстве за основание к разводу», могли «испросить на то разрешение и благословение Кишиневского епархиального начальства». На епархиальное начальство возлагалось и разрешение просьб лиц, разведенных гражданским порядком о дозволении им вступить в брак по церковному обряду с другим лицом¹³⁴. Придав силу закона этим правилам, разработанным священноначалием Православной Церкви, российская власть продемонстрировала категорическое неприятие института гражданского брака. Она была верна этому принципу и во всех прочих случаях. К такому выводу можно прийти, в частности, рассматривая дела о браках российских военных и моряков, заключенных во Франции в соответствии с действовавшими в этой стране законами.

В 1884 г. в военное ведомство поступило ходатайство от княжны Друзской-Любецкой с просьбой о назначении ей пенсии как вдове генерал-майора Быховца. К прошению было приложено свидетельство о гражданском

---

¹³⁴ПСЗ-III. Т. VIII. № 50-61; СЗРИ. Т. X. Ч. 1. № 31. Прим.

браке, заключенном в Париже 12 октября 1883 г. Поскольку оба супруга являлись католиками, решение дела было передано на рассмотрение Департамента духовных дел иностранных исповеданий. Главный штаб русской армии обратился в это ведомство с запросом на предмет того, «может ли означенный документ (французский акт гражданского бракосочетания. — И.А.) служить законным основанием к назначению вдове сего Генерала пенсии»¹³⁵. В ответ от Департамента поступило заключение, гласившее, что «ввиду принадлежности супругов Быховцев к русскому подданству представленный вдовою генерал-майора Быховца документ, удостоверяющий факт совершения их брака гражданским порядком, нашими законами неустановленным, не может почитаться имеющим законную силу»¹³⁶. В конечном итоге пенсия генеральской вдове все же была назначена, но лишь после того, как ею был представлен новый документ, подтверждавший, что данный брак еще ранее гражданской регистрации был обвенчан по католическому обряду¹³⁷. Аналогичным образом разрешилось возбужденное в 1885 г. дело отставного лейтенанта Збышевского (который также был католиком по вероисповеданию). Присланную Главным Морским штабом выписку из парижского реестра гражданских бракосочетаний за 1866 г. Департамент духовных дел не счел удовлетворительным основанием для признания законным брака лейтенанта. Лишь когда Збышевский представил свидетельство о венчании в католической церкви, удостоверенное французскими властями и русским генеральным консулом в Париже, директор Департамента князь М.Р. Кантакузин (носивший также титул графа Сперанского) вынес резолюцию, в соответствии с которой брак просителя мог быть признан действительным, а рожденные в нем дети законными¹³⁸. Таким образом, Российское государство признавало законными брачные союжения своих подданных лишь тогда, когда они были освящены религиозным обрядом.

Вместе с тем российские власти не оспаривали законность гражданских браков проживавших в империи подданных иностранных государств. Так, в 1880 г. одесский римско-католический декан возбудил перед местной властью вопрос о том, могут ли дети находящихся в Одессе иностранцев, состоявших в гражданском браке, заноситься в церковную метрическую книгу и признаваться законными (речь шла, главным образом, о французских гражданах католи-

---

¹³⁵РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 630. Л. 42.

¹³⁶Там же. Л. 45.

¹³⁷Там же. Л. 52.

¹³⁸Там же. Л. 48–51.

ческого вероисповедания). Исправляющий должность одесского градоначальника, не найдя в законе удовлетворительного разрешения проблемы, направил запрос в Департамент духовных дел иностранных исповеданий. Главной задачей над Департаментом Л.С. Маков, в свою очередь, запросил заключение II отделения Собственной его императорского величества канцелярии (органа, ведавшего вопросами законодательства). Ответ главного управляющего II отделением князя С.Н. Урусова, датированный 18 ноября 1880 г., гласил, что «браки иностранцев, совершенные уполномоченным на то агентом того государства, где состоялось бракосочетание, не могут не быть признаны действительными в России в тех случаях, когда заключение такого брака будет удостоверено, с соблюдением всех условий, которые по законам той местности, где он совершен, требуются для законности брака» Следовательно, «и дети, рожденные от таких браков, при совершении над ними св. Крещения могут подлежать записи в метрических книгах, как рожденные от законных супругов»¹³⁹.

Это суждение основывалось на нормах Устава гражданского судопроизводства, статья 464 которого гласила: «Акты, совершенные в иностранном государстве, по существующим там законам, хотя бы и несходно с обрядом совершения подобных актов в России, признаются законными актами, если только не опровергается их подлинность»¹⁴⁰. Следующая за ней 465 статья определяла порядок установления подлинности иностранных актов в случае их задействования в судебных делах: «Акты, совершенные в иностранном государстве, могут быть представлены к делу не иначе, как с удостоверением русского Посольства, Миссии или Консульства, что они действительно оставлены по законам того государства»¹⁴¹. В соответствии с заключением II отделения Л.С. Маковым была дана инструкция одесскому градоначальнику, согласно ей разрешение записывать детей иностранцев законнорожденными могло даваться «в каждом отдельном случае по соображениям обстоятельств дела и существующих в различных государствах законов»¹⁴². Очевидно, от иностранных подданных требовались документы, подтверждавшие законность их брака, заверенные русским дипломатическим представителем.

Рассмотренные выше эпизоды возникали в связи с гражданскими бракосочетаниями, совершенными во Франции, где секулярная форма брака была вве-

---

¹³⁹ Там же. Л. 3–3 об.

¹⁴⁰ СЗРИ. Т. XVI. Ч. 1. № 464.

¹⁴¹ Там же. № 465.

¹⁴² РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 630. Л. 4–4 об.

дена еще в эпоху революции, в соответствии с конституцией 1791 г. В Румынии, о которой шла речь выше в связи с «южно-бессарабским казусом», гражданская регистрация брачных союзов была установлена по французскому образцу. В 1875 г. гражданский брак был введен по инициативе Бисмарка и в недавно образованной Германской империи. Это обстоятельство породило новые проблемы для российской правовой системы. В конце XIX в. в российские евангелическо-лютеранские консистории стали поступать прошения от проживавших в России германских подданных-лютеран о расторжении их браков, заключенных в соответствии с немецким законом.

К примеру, в 1880 г. в Санкт-Петербургскую евангелическо-лютеранскую консисторию поступило ходатайство Амалии Августы Краузе, урожденной Рейсс, о расторжении ее брака с булочником Августом Карлом Германом Краузе, заключенном в Пруссии гражданским порядком (основанием к разводу было неизвестное отсутствие мужа). И просительница, и ее супруг были подданными Прусского королевства, являвшегося составной частью Германской империи, однако Амалия Краузе в течение нескольких лет проживала в России. Прощение было передано в евангелическо-лютеранскую Генеральную консисторию, которая в связи с ним возбудила вопрос общего характера: могут ли лютеранские консистории разрешать дела о расторжении браков, совершенных без участия духовенства. Сначала решено было выяснить мнение по данному вопросу всех евангелическо-лютеранских консисторий Российской империи. Суждения были получены различные. В частности, Эзельская и Эстляндская консистории высказались в пользу положительного решения, а Курляндская, Московская и Лифляндская ответили отрицательно. Получив отзывы с мест, евангелическо-лютеранская Генеральная консистория вынесла собственное заключение, в котором склонялась в пользу признания за лютеранской духовной властью права решать подобные дела¹⁴³. В подтверждение делалась ссылка на уже упомянутые статьи 464 и 465 Устава гражданского судопроизводства, служившие основанием для признания в России действительными гражданских браков иностранцев. Генеральная консистория также ссылалась на пункт 9 статьи 444 Уставов духовных дел иностранных исповеданий 1857 г. издания, в соответствии с которым к ведению лютеранских консисторий относилось «рассмотрение и решение в первой инстанции всех дел, касающихся до обручения, оглашения или же заключения и расторжения браков» (в издании 1896 г. аналогичная статья шла под

---

¹⁴³РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 630. Л. 5–11.

номером 553¹⁴⁴). Отсюда делался вывод о том, что «брачные дела, предъявляемые в Российской империи иностранцами евангелическо-лютеранского исповедания, хотя бы они возникли по совершенным за границую гражданским бракам, должны быть разрешаемы исключительно Евангелическо-Лютеранскими Консistorиями притом с соблюдением установленных для этих духовных судов судопроизводственных правил, а в делах о расторжении брака и с применением также наших законов, по которым допускается развод»¹⁴⁵. Однако, придя к такому выводу, Генеральная консистория не сочла себя вправе дать вопросу окончательное решение и обратилась с представлением в Департамент духовных дел, желая, чтобы право лютеранских церковных учреждений рассматривать подобные дела было санкционировано государственной властью.

Вопрос был доведен до сведения министра внутренних дел. Поскольку проблема отношения российских церковных и светских учреждений к заключенным за границей бракам имела международно-правовой характер, МВД запросило мнение по этому предмету Министерства иностранных дел. Точка зрения министра иностранных дел Н.К. Гирса, изложенная в его отзыве министру внутренних дел от 19 сентября 1881 г., решительно расходилась с позицией евангелическо-лютеранской Генеральной консистории. Как утверждал глава внешнеполитического ведомства, «гражданский брак, совершенный за границую, без церковного обряда, не может быть признан на основании наших узаконений законным супружеским союзом и обязательным для обеих сторон, а потому не может быть расторгнут по действующим у нас правилам»¹⁴⁶. Н.К. Гирс ссылаясь на статьи 182 и 242 Уставов духовных дел иностранных исповеданий от 1857 г. (в редакции 1896 г. им соответствовали статьи 300 и 360), согласно которым совершение церковного обряда бракосочетания признавалось для лютеран, проживавших в России, необходимым условием действительности супружества¹⁴⁷. По словам министра иностранных дел, «если бы дело о расторжении гражданского брака Краузе поступило на рассмотрение Санкт-Петербургской Евангелическо-Лютеранской Консistorии, то на основании приведенных выше статей Консistorии осталось бы признать, что Краузе не состоит в законном браке и что за сим, по ее прошению не может быть возбуждено бракоразводного

---

¹⁴⁴СЗРИ. Т. XI. Ч. 1. № 553. П. 9.

¹⁴⁵РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 630. Л. 8.

¹⁴⁶Там же. Л. 23 об.-24.

¹⁴⁷СЗРИ. Т. XI. Ч. 1. № 300, 360.

дела»¹⁴⁸. Далее министр указывал на то обстоятельство, что расторжение брака Краузе русским церковным судом, если бы оно все-таки состоялось, не имело бы никакой силы в Германии, подданными которой являлись оба супруга, поскольку там «на основании закона от 6 февраля 1875 г. все брачные дела подлежат ведомотву суда гражданского»¹⁴⁹. Таким образом, возник бы трудноразрешимый правовой казус: в то время, как в глазах российского закона супруги Краузе являлись бы разведенными, с точки зрения германского права они продолжали бы состоять в законном браке. Доводы Н.К. Гирса МВД сочло убедительными и вынесло резолюцию, гласившую, что «дела о расторжении гражданских браков не могут быть разрешаемы Евангелическо-Лютеранскими Консисториями»¹⁵⁰.

В дальнейшем российские власти настаивали на выполнении данного постановления лютеранскими консисториями во всех аналогичных случаях. Даже тогда, когда гражданские браки иностранных подданных были подтверждены церковным венчанием, рассмотрение дел об их расторжении было признано состоящим вне компетенции российского духовного суда. Такая позиция была обоснована в отзыве Н.К. Гирса по поводу дела германского подданного Вильгельма Кеттау, который в 1883 г. подал прошение на высочайшее имя с просьбой о дозволении Санкт-Петербургской евангелическо-лютеранской консистории рассмотреть дело о расторжении его брака с германской же подданной Генриеттой Шевальд. Как выяснилось, после гражданского бракосочетания супруги были также обвенчаны по лютеранскому обряду. По мнению министра внутренних дел графа Д.А. Толстого, последнее обстоятельство давало основание для положительного разрешения ходатайства¹⁵¹. Министр иностранных дел, однако, высказался иначе. В своем отзыве от 23 сентября 1883 г. он указал на то обстоятельство, что «по германскому закону 6 февраля 1875 г. брак может быть совершен только гражданским порядком, церковное же венчание предоставляется на выбор брачующихся и не составляет необходимого условия бракосочетания, и никакой брак не может быть расторгнут иначе, как судом гражданским»¹⁵². Потому решение лютеранской консистории о разводе супругов Кеттау «может коснуться лишь церковного обряда, который не составляет необходимой принадлежности гражданского брака, так что сей последний брак

---

¹⁴⁸РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 630. Л. 24.

¹⁴⁹Там же.

¹⁵⁰Там же. Л. 30.

¹⁵¹Там же. Л. 34.

¹⁵²Там же. Л. 37 об.

и после решения Консistorии не мог бы считаться расторгнутым»¹⁵³. В случае положительного удовлетворения ходатайства просителя, по словам министра, мог возникнуть «целый ряд новых коллизий между нашим и германским законодательством, но уже не легко устранимых. Так, например, если бы Кеттау, по расторжении брака в России, вступил снова в брак с нашей подданной, то таковое супружество не было бы признано законным в Германии, рожденные в оном дети также не были бы законными, не могли бы пользоваться в Германии наследственными правами по смерти своего отца и не были бы, равно как и мать их, признаны германскими подданными, между тем как у нас считались бы таковыми»¹⁵⁴ (в соответствии с российскими Законами о состояниях, женщина, вышедшая замуж за иностранца, считалась перешедшей в иностранное подданство¹⁵⁵). В заключение министр иностранных дел писал, что он «полагал бы наиболее правильным и осторожным оставить ходатайство Кеттау без последствий а также отклонять на будущее время прошения такого рода»¹⁵⁶.

Аргументация Н.К. Гирса была юридически безупречна. Поскольку в России не существовало гражданского брака как института, то не могло быть никаких судебных инстанций, которые были бы правомочны осуществлять развод таких браков. Расторжение же браков немецких подданных российским церковным судом (лютеранского или какого-либо иного исповедания) было бы необоснованным вторжением в сферу действия германского права. Единственным выходом для Вильгельма Кеттау и других лиц, оказавшихся в аналогичной ситуации, по мнению Н.К. Гирса, было обращение в германский суд, «причем германские подданные, проживающие в России и ищущие развода, могли бы возвращаться на родину, если то требуется по германскому законодательству»¹⁵⁷. Министр внутренних дел, получив отзыв Н.К. Гирса, согласился с ним, написав в своей резолюции, что «указанные Министром Иностранных Дел неудобства, касающиеся международных осложнений, представляются более существенными, чем личные затруднения с возвращением иностранцев в свое отечество для предъявления исков о разводе»¹⁵⁸. Прощение Кеттау было отклонено, и это решение явилось прецедентом для всех последующих дел подобного рода.

---

¹⁵³ Там же. Л. 38–38 об.

¹⁵⁴ Там же. Л. 39.

¹⁵⁵ СЗРИ. Т. IX. № 853.

¹⁵⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 630. Л. 39.

¹⁵⁷ Там же. Л. 38.

¹⁵⁸ Там же. Л. 40 об.–41.

Таким образом, гражданские браки иностранцев признавались российской властью действительными как юридические акты, совершенные в соответствии с законом другого государства, но все дела, связанные с этими браками, признавались находящимися вне сферы действия российского правосудия. Если же в гражданский брак за границей вступали российские подданные, он считался изначально недействительным, и для того, чтобы легализовать свои отношения, такие супруги должны были обвенчаться по обряду того исповедания, к которому они принадлежали. Подобный подход вполне устраивал Православную и Католическую Церкви, которые относились к венчанию как к таинству, то есть сакральному действию, а на гражданский брак смотрели как на профанацию. Иной была позиция Лютеранской Церкви, которая, в соответствии с положениями протестантского вероучения, признавала брак не таинством, а своего рода юридическим договором со взаимными обязательствами сторон. С этой точки зрения для нее не существовало принципиальной разницы между церковным венчанием и гражданским браком (просто в первом случае супруги дают друг другу обещание верности перед лицом служителя Церкви, во втором — перед лицом представителя гражданской власти). Именно поэтому евангелическо-лютеранская Генеральная консистория неоднократно просила о даровании ее местным отделениям права решать дела, связанные с гражданскими браками лютеран-иностранцев, и была недовольна отрицательным заключением по этому поводу со стороны Министерства внутренних дел. Также Генеральная консистория выступала за признание действительными браков русских подданных лютеранского исповедания, заключенных за границей путем гражданской регистрации. Однако МВД решительно отвергало все подобные ходатайства.

О принципиальной невозможности узаконения в России браков без совершения церковного венчания говорилось в предложении МВД евангелическо-лютеранской Генеральной консистории от 14 января 1887 г., подписанном товарищем министра внутренних дел Н. Гагариным. В данном случае речь шла о деле саратовского землевладельца титулярного советника фон Кнорринга, вступившего в 1886 г. в Лейпциге в брак с некоей Идой Елизаветой Каролиной Вугге¹⁵⁹. В документе Министерства особо подчеркивалось, что общее правило о необходимости церковного обряда для признания законности брачного союза распространяется и на последователей тех христианских исповеданий, «которые принимают брак за союз гражданский, то есть отрицают таинство брака, хотя и

---

¹⁵⁹ Там же. Л. 56–58.

освящают супружеский союз церковным венчанием»¹⁶⁰. В 1895 г. министр внутренних дел И.Н. Дурново ответил отказом на ходатайство Генеральной консистории о разрешении записать в метрическую книгу в качестве законнорожденной дочь Феликса Карла и Элизы Луизы Гуржанских, заключивших гражданский брак в 1892 г. в Гамбурге. Впоследствии, в 1894 г., супруги обвенчались в лютеранской церкви, однако их дочь Людмила Элеонора Мария родилась до подтверждения брака церковным венчанием. Потому прошение было признано не подлежащим удовлетворению¹⁶¹.

Значительно проще решались дела, касавшиеся браков, заключенных по обрядам тех исповеданий, которые не были зарегистрированы в России и не имели на ее территории своих духовных управлений и судов. В частности, дела о разводе браков англикан, проживавших в России, после подачи прошения на высочайшее имя могли передаваться в ведомство реформатского исповедания, которое в России имело общее духовное управление с лютеранским. Обоснование такого решения проблемы содержалось в резолюции И.Н. Дурново от 11 октября 1893 г. по поводу прошения британской подданной Анны Марии Фроуд, добивавшейся рассмотрения в России иска о расторжении брака, заключенного по англиканскому обряду с Дононом Вальтером Фроудом, также подданным Великобритании (ввиду неизвестного отсутствия супруга). Министр подчеркивал, что относительно дел подобного рода «в законах наших существует пробел, ибо духовные дела лиц англиканского исповедания, судные и другие, не поручены у нас по действующим узаконениям к кругу духовенства ни одного из русских учреждений». Вместе с тем, он отмечал, что «из всех исповеданий, для которых у нас существуют уже особые установления, реформатское имеет особое сходство с англиканским», и потому дело Фроуд может быть передано на рассмотрение Реформатского заседания Санкт-Петербургской евангелическо-лютеранской консистории¹⁶². Как явствовало из справки МВД, направление в это ведомство дел о браках англикан было к тому времени уже сложившейся практикой¹⁶³. То обстоятельство, что оба супруга были подданными иностранного государства, министр не считал препятствием. Он ссылаясь на статью 995 Законов о состояниях 1876 г. издания (в редакции 1899 г. ей соответствовала статья 822), гласившую, что «иностранцы, находящиеся в России, как лично, так

---

¹⁶⁰ Там же. Л. 57 об.

¹⁶¹ Там же. Л. 115–115 об.

¹⁶² Там же. Д. 626. Л. 66–67.

¹⁶³ Там же. Л. 61–61 об.

и по имуществу, подлежат действию российских законов»¹⁶⁴. Казалось бы, данная норма была приложима и к искам о расторжении гражданских браков иностранцев, однако они были признаны неподсудными российским учреждениям. Дело в том, что секулярный брак был институтом, полностью чужеродным для системы российского права, в России не заключались акты подобного характера. В то же время обряды Англиканской Церкви были сходны с теми, которые практиковали легализованные в империи протестантские исповедания.

9. Реализация принципов веротерпимости в сфере брачного права (законы 31 января и 12 февраля 1907 г.)

Как уже неоднократно говорилось выше, издание указа 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» вызвало к жизни ряд новых проблем в сфере семейного права, требовавших законодательного решения. Многие из этих проблем так и остались нерешенными вплоть до падения монархии в 1917 г. Причиной тому была, с одной стороны, косность царской бюрократии, а с другой — введение в России в 1905 г. элементов конституционного строя, в силу чего все законы подлежали обсуждению в законодательных палатах — Государственной Думе и Совете (где это обсуждение часто надолго затягивалось). Вместе с тем, некоторые вопросы, связанные с религиозным законодательством, были решены государственной властью достаточно эффективно посредством издания узаконений в порядке, предусмотренном статьей 87 Основных государственных законов от 23 апреля 1906 г. (статья эта предусматривала возможность в период прекращения заседаний Государственной Думы и Государственного Совета издание законов непосредственно императором, минуя эти учреждения, если того требовали «чрезвычайные обстоятельства»¹⁶⁵). В частности, именно таким образом был издан, в период между Первой и Второй Думами, упоминавшийся выше указ 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин».

Тогда же аналогичным порядком был решен вопрос об урегулировании брачно-семейных отношений лиц, долгое время номинально числившихся православными, но в действительности принадлежавших к иным (христианским или нехристианским) исповеданиям. Многие из таких лиц уклонялись от исполнения православных обрядов и втайне придерживались обрядов своей подлинной религии, в частности, заключали по этим обрядам браки, которые, с точки зре-

---

¹⁶⁴Там же. Л. 66–66 об.; СЗРИ. Т. IX. № 822.

¹⁶⁵СЗРИ. Т. I. Ч. 1. № 87.

ния российского права, не имели законной силы, соответственно и дети от подобных союзов считались внебрачными. Получив возможность после издания указа 17 апреля 1905 г. легально оформить свой переход в «родное» вероисповедание, эти люди стали обращаться к властям с ходатайствами о легализации их браков, заключенных ранее по неправославному обряду, и о признании детей от этих браков законными со всеми вытекающими отсюда юридическими и имущественными последствиями. По существовавшим законам такие ходатайства удовлетворению подлежать не могли. С юридической точки зрения принадлежность заявителей к неправославной религии признавалась с момента их официального к ней присоединения, и браки, заключенные ими по инославному или иноверческому обряду в период формального пребывания в лоне Православной Церкви, не могли обрести законный статус постфактум.

Проблема стала предметом обсуждения в Совете министров в конце 1906 г. Министерство внутренних дел настаивало на узаконении такого рода браков, исходя из того, что главным смыслом высочайшего указа «Об укреплении начал веротерпимости» являлось «именно устранение тех невыгодных гражданско-правовых последствий, которые возникали для известной категории лиц от непризнания их принадлежности к действительно исповедуемой ими религии». Поэтому, с точки зрения П.А. Столыпина, «лишение лиц, отпавших от православия, возможности упорядочить на будущее время гражданско-правовое положение, как собственное, так и их детей, противоречило бы духу Указа 17 апреля 1905 г. и в сущности лишило бы его практического значения»¹⁶⁶. Совет министров прислушался к этим доводам и 12 декабря 1906 г. утвердил разработанный МВД проект. В соответствии с ним, браки лиц, бывших лишь номинально православными, совершенные до 17 апреля 1905 г. по обрядам того исповедания, к которому супруги фактически принадлежали, признавались действительными со дня их совершения и дети, родившиеся в этих браках, законными со дня рождения¹⁶⁷. В качестве доказательства факта совершения брака должна была быть предъявлена запись в метрической книге соответствующего исповедания. При отсутствии же таковой событие брака устанавливалось судом «в порядке охранительного судопроизводства», причем во внимание могли быть приняты показания свидетелей. Заявления по таким делам принимались без учета срока давности. Признание брака действительным могло состояться уже после смерти лиц, в нем состоявших. Дети, объявленные в результате та-

---

¹⁶⁶ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906 год. М., 2011. С. 393.

¹⁶⁷ Там же. С. 396.

кого решения законными, могли вступить в права наследства, но лишь в том случае, если в эти права еще не вступили третьи лица, считавшиеся наследниками в период, когда брак признавался недействительным¹⁶⁸. Принятое Советом министров 12 декабря 1906 г. положение получило высочайшее утверждение 31 января 1907 г.¹⁶⁹

16 января 1907 г. Совет министров принял еще одно положение, которое предусматривало узаконение постфактум браков, заключенных сектантами и старообрядцами по обрядам их вероучений, но не записанных в полицейские метрические книги, как это было предусмотрено законом 19 апреля 1874 г. Необходимость этого постановления объяснялась тем, что многие последователи раскола в силу своих религиозных убеждений, а также недоверия государственным институтам не желали регистрировать в полиции собственные браки и рождения детей. В результате многие брачные союзы, заключенные по раскольническим обрядам, оставались в глазах государства незаконными, а дети, рожденные от них, как констатировалось в журнале Совета министров, вынуждены были нести «все тягости, сопряженные с положением внебрачных детей»¹⁷⁰. Указ 17 октября 1906 г., возложивший ведение метрических книг старообрядцев и сектантов на их собственные общины и духовных лиц, устранил многие затруднения в гражданском положении тех групп верующих, которые прежде объединялись наименованием «раскольники». Правительство сочло необходимым распространить преимущества нового закона в отношении регулирования семейных отношений на тех адептов русского сектантства и старообрядчества, которые в прежние времена отказывались от полицейской регистрации, ограничиваясь одними религиозными обрядами. В соответствии с утвержденными теперь правилами законным считался брак тех лиц, которые были внесены в качестве мужа и жены в сословные посемейные списки¹⁷¹ или иного рода заменяющие их документы, даже если факт бракосочетания не был зафиксирован в полицейской метрической книге. В случае же отсутствия каких-либо актов, удостоверяющих гражданское состояние, вопрос о действительности брака подлежал установлению в судебном порядке. Брак, признанный действительным, вносил-

---

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ ПСЗ–III. Т. XXVII. № 28840.

¹⁷⁰ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1907 год. С. 92.

¹⁷¹ Посемейные списки велись в Российской империи с 1858 г. Так назывались документы, в которых фиксировался состав семьи. Составлялись они на лиц податных сословий (крестьян и мещан). Списки на городское население велись городскими управами, на крестьян — волостными правлениями на каждое сельское общество.

ся в метрическую книгу старообрядческой или сектантской общины, к которой принадлежали супруги. Относительно вступления детей от узаконенных таким образом браков в наследственные права были предусмотрены те же правила, которые были ранее приняты относительно инославных и иноверцев, формально числившихся православными¹⁷². Данное положение было утверждено императором 12 февраля 1907 г.¹⁷³

Поскольку оба положения вступили в силу «чрезвычайным» порядком, указанным в 87 статье Основных законов, они носили характер «временных правил», которые должны были действовать впредь до принятия закона по данному предмету законодательными палатами. Такой закон, объединивший и уточнивший нормы обоих правительственных постановлений был принят лишь Четвертой Государственной Думой под названием «Об узаконении невнесенных в метрические книги браков старообрядцев и сектантов, а также браков, заключенных по правилам инославных и иноверных исповеданий и вероучений, лицами, числившимися православными до обнародования Высочайшего указа 17 апреля 1905 года об укреплении начал веротерпимости». Закон был одобрен Государственным Советом и 16 июня 1913 г. подписан императором¹⁷⁴.

10. Столыпинский законопроект «О семейственных правах» и борьба вокруг него

П.А. Столыпин полагал, что после введения в России вероисповедных свобод законотворчество в сфере брачно-семейных отношений не может ограничиваться оперативным решением частных вопросов. Он был убежден в необходимости модернизации самих основ российского законодательства о браках. В конце 1906 г. Министерством внутренних дел была разработана серия законопроектов, направленных на развитие начал религиозной свободы и терпимости, дарованных населению России в высочайших актах 1905 г. В числе их был проект закона «О вызываемых провозглашенной манифестами 17 апреля и 17 октября 1905 г. свободой совести и исповеданий изменениях в действующем законодательстве касательно семейственных прав» (в некоторых документах употребляется более короткое его название «О семейственных правах», которое и будет использоваться далее).

---

¹⁷² Особые журналы Совета министров Российской империи. 1907 год. С. 94–95.

¹⁷³ ПСЗ–III. Т. XXVII. № 28876.

¹⁷⁴ ПСЗ–III. Т. XXXIII. № 39539.

Представляя законопроект «на уважение Совета Министров», П.А. Столыпин в особой записке изложил соображения, которыми Министерство внутренних дел руководствовалось при его разработке¹⁷⁵. Реформа семейного законодательства, по мнению главы МВД и правительства, должна была коснуться, главным образом двух предметов: вопроса о смешанных браках и вопроса об определении вероисповедания детей. Именно этим вопросам был посвящен первый раздел законопроекта, включавший в себя шестнадцать статей. В следующих пяти его разделах оговаривались те поправки, которые предполагалось внести в различные части Свода законов Российской империи, дабы устранить из них противоречия с положениями раздела первого. Основным в соображениях П.А. Столыпина был тезис о том, что «светский закон вовсе не обязан охранять канонические правила»¹⁷⁶. Премьер предлагал исключить из существующего закона положения, которые дублировали внутренние канонические нормы Православной и других Христианских Церквей (прежде всего, установленные этими Церквями ограничения относительно смешанных браков). В частности, он считал излишним законодательный запрет на браки православных и католиков с нехристианами, равно как и специальное дозволение таких брачных союзов для протестантов. По мнению П.А. Столыпина, Христианские Церкви должны были сами определять, считают ли они допустимыми для своих чад супружеские союзы с лицами нехристианских исповеданий. Это соображение обосновывалось, в числе прочего, тем, что в связи с объявлением свободы совести количество легально существующих в империи христианских исповеданий должно было неизбежно увеличиться, и определять для каждого из них в законе специальные нормы представлялось нецелесообразным. «Не следует упускать из вида, что если протестантские учения признают допустимыми браки своих последователей с нехристианами, то в такое же отношение к этому вопросу могут встать и вновь возникающие вероучения. Наконец, и ныне существующие христианские исповедания могут со временем изменить свой взгляд на этот предмет»¹⁷⁷, — полагал П.А. Столыпин.

В статье 1 раздела I законопроекта устанавливалось общее положение, гласившее, что «лицам всех вообще вероисповеданий дозволяется вступать между собою в браки с соблюдением условий, установленных в законах гражд-

---

¹⁷⁵РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 693. Л. 27–49 об.

¹⁷⁶Там же Л. 28 об.

¹⁷⁷Там же. Л. 28 об.–29

данских, а также предусмотренных в нижеследующих правилах» (тех, которые содержались в идущих далее статьях. — *И.А.*).

В статье 3 это положение конкретизировалось применительно к бракам христиан и иноверцев: «Браки христиан с нехристианами должны совершаться по христианскому обряду, причем нехристиане, вступающие в брак с христианами, обязаны отказаться от многоженства»¹⁷⁸. При этом подразумевалось, что подобные браки будут возможны лишь постольку, поскольку они дозволяются внутренними правилами тех или иных Церквей. В своей записке П.А. Столыпин отмечал: «Само собою разумеется, что государственное законодательство, разрешая таким образом лицам всех вообще исповеданий, в том числе и нехристианских, вступать между собою в брак, не может требовать от Церкви без насилия над совестью верующих узаконения всех таких браков чрез таинство венчания, и что поэтому заключение таких браков по религиозному обряду возможно только, если к тому не встретится препятствий в канонических правилах. При таком положении дела, конечно, возможность воспользоваться предоставляемым проектируемым законом правом явится в большинстве случаев не ранее создания гражданской формы брака»¹⁷⁹. Из последней фразы видно, что П.А. Столыпин считал вполне реальным установление в будущем гражданского брака в России. Соответствующий проект в МВД также разрабатывался, но представить его на обсуждение законодательных учреждений правительство не решилось. Вопрос о введении гражданского брака и гражданской метрификации был признан «весьма сложным и едва ли поддающимся немедленному разрешению»¹⁸⁰.

Стремление к замене существовавших частных норм в отношении отдельных исповеданий нормами более общего характера являлось основополагающим принципом законопроекта «О семейственных правах». Так, например, его 7 статья предусматривала распространение правила, установленного ранее относительно браков православных и протестантов с католиками, на все вообще случаи межконфессиональных браков: «При браках лиц, принадлежащих к разным вероисповеданиям предбрачное оглашение, когда оно требуется законом, может быть совершено, в случае отказа одного из духовных лиц, духовным лицом только одного из сих вероисповеданий, но в таком случае лицо, принадлежащее

---

¹⁷⁸ Там же. Л. 49 об.

¹⁷⁹ Там же. Л. 29.

¹⁸⁰ *Дорская А.А.* Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. СПб., 2001. С. 83.

к другому исповеданию обязано представить удостоверение местной полиции о внебрачном своем состоянии и правоспособности ко вступлению в брак»¹⁸¹.

Вместе с тем, неверно было бы полагать, что П.А. Столыпин стремился установить в России равенство вероисповеданий. Напротив, в законопроекте четко прослеживается иерархическая градация конфессий, включающая четыре категории: Православная Церковь (на «первенствующее и господствующее» положение которой премьер-реформатор отнюдь не покушался), «признанные» христианские исповедания, сектантские общества, нехристианские религии. Для верного понимания данных терминов следует обратиться к пояснительной записке, составленной для другого законопроекта, подготовленного МВД примерно в то же время — «Об инославных и иноверных религиозных обществах». Как следует из нее, «признанными исповеданиями» П.А. Столыпин предлагал именовать те инославные и иноверческие исповедания, которые имели в Российской империи устойчивый правовой статус, зафиксированный в Уставах духовных дел иностранных исповеданий, чьи духовные лица приравнивались к государственным служащим, и духовные суды которых были правомочны выносить решения, обладавшие обязательной силой как для духовенства, так и для светских лиц, приверженных данной конфессии¹⁸². В докладе председателя вероисповедной комиссии Третьей Государственной Думы П.В. Каменского по поводу указанного законопроекта перечислялись религиозные сообщества, обладавшие этими признаками: «I) Христианские Церкви: 1) Римско-Католическая (включая армяно-католиков); 2) Протестантские: лютеранского, реформатского и аугсбургского исповеданий, и 3) Армяно-Григорианская; II) нехристианские исповедания: 1) магометанское (шиитское и суннитское); 2) еврейское; 3) караимское, и 4) ламайское (буддизм ламаитского толка. — И.А.)»¹⁸³. К категории «сектантских обществ» Министерство внутренних дел предлагало отнести религиозные объединения, не обладавшие перечисленными выше чертами, то есть не пользовавшиеся покровительством государственной власти, но, тем не менее, наделенные некими минимальными юридическими правами, поскольку их вероучение не содержало «ничего противного государственному устройству, уголовным законам или общественному порядку и нравственности»¹⁸⁴. Под данную категорию подводились как секты, отделившиеся

---

¹⁸¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 693. Л. 50.

¹⁸² Там же. Л. 22 об.

¹⁸³ Там же. Д. 583. Л. 22–22 об.

¹⁸⁴ Там же. Л. 23 об.

от православия (чей статус был урегулирован указом 17 октября 1906 г.), так и ряд сектантских течений, возникших на почве западного христианства (такие, как баптизм и меннонитство).

Согласно законопроекту «О семейственных правах» обряд, по которому совершался смешанный брак, должен был зависеть от степени привилегированности того или иного вероисповедания. В соответствии со статьей 2, «когда в числе брачующихся лиц одно принадлежит к Православной Церкви, то венчание должно быть совершено по православному обряду»¹⁸⁵. Статьей 4 предусматривалось, что «при браке лица, принадлежащего к одному из признанных исповеданий, с членом сектантского общества венчание должно быть совершено по обряду исповедания»¹⁸⁶. В данном случае автор законопроекта имел в виду, разумеется, «признанные» Христианские Церкви. Именно они должны были получить при заключении смешанных браков преимущество перед сектантскими учениями. Что же касается браков христиан с нехристианами, то они, как уже говорилось, должны были совершаться непременно по христианскому обряду. Данное правило, зафиксированное в статье 3, должно было действовать независимо от того, к какой категории принадлежала христианская конфессия (была ли это Православная Церковь, признанное инославное исповедание или сектантское общество). Статья 5 устанавливала правило для «всех остальных случаев», то есть таких, когда супружеский союз заключался между представителями различных, но равных по статусу религиозных сообществ. В такой ситуации предусматривалась свобода выбора, венчание могло совершиться «по правилам веры жениха или невесты, по взаимному их соглашению»¹⁸⁷. В статье 6 раздела I проектируемого закона предусматривалась также возможность венчания межконфессионального брака «по обрядам обеих религий — жениха и невесты, но с тем, чтобы в случае, если венчание по правилам одной религии обязательно по закону (ст. 2–4), такое венчание предшествовало совершению обряда по правилам другой веры»¹⁸⁸.

Правила относительно порядка расторжения смешанных браков были изложены в 8–10 статьях. В соответствии с ними бракоразводные дела предоставлялись ведомству того исповедания, которое стояло выше по описанной «иерархической лестнице». Когда же вероисповедания супругов имели равный статус,

---

¹⁸⁵ Там же. Д. 693. Л. 49 об.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Там же. Л. 49 об.–50.

¹⁸⁸ Там же. Л. 50.

сохраняло силу старое правило: принятие решения о законности и действительности брака — в компетенции конфессии, по обряду которой совершено первое венчание, решение о разводе — в ведении духовного суда той религии, к которой принадлежал ответчик по делу. В соответствии со статьей 9 законопроекта эта норма, установленная ранее (в Законах о судопроизводстве гражданском¹⁸⁹) в отношении инославных исповеданий распространялась на смешанные браки между адептами двух различных сектантских обществ¹⁹⁰. Согласно статье 11, правила, изложенные в предыдущих десяти статьях распространялись также на «смешанные браки старообрядцев и отпавших от православия сектантов с лицами других вероисповеданий»¹⁹¹. Судя по всему, старообрядческие согласия должны были находиться в отношении правил о смешанных браках на одной ступени с сектантскими обществами (но прямо это обстоятельство в законопроекте прописано не было, что можно считать одним из признаков его недоработанности).

Столыпинский законопроект предусматривал введение единых правил относительно определения вероисповедания детей. Правила эти были изложены в статьях 12–14: «12) Дети лиц, принадлежащих к одному и тому же вероисповеданию, следуют вере своих родителей. При браках лиц, принадлежащих к разным вероисповеданиям, родителям предоставляется, по взаимному их соглашению, определять вероисповедание детей. В случае отсутствия соглашения, если один из супругов исповедует православную веру, все дети должны быть крещены по православному обряду, в остальных же случаях сыновья следуют вере отца, а дочери — матери. 13) При браках христиан с нехристианами все дети должны быть крещены и воспитаны в вере супруга христианина. 14) При переходе родителей из одной веры в другую, все недостигшие семилетнего возраста следуют вере родителей. Оставление же одним из родителей прежней своей веры не влечет изменение вероисповедания детей»¹⁹². Наиболее существенное значение имела статья 12, поскольку она подразумевала отмену одной из основополагающих норм русского брачного права — об обязательном воспитании в православии детей, один из родителей которых принадлежал к Православной Церкви. Если бы закон МВД был принят, то у супругов, принадлежавших к различным верам, появилась бы возможность договариваться между собой о

---

¹⁸⁹СЗРИ. Т. XVI. Ч. 2. Законы о судопроизводстве гражданском. № 454–455.

¹⁹⁰РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 693. Л. 50.

¹⁹¹Там же. Л. 50 об.

¹⁹²Там же.

религиозной принадлежности детей, и такое взаимное соглашение могло предусматривать крещение их по обряду инославного исповедания. Лишь в случае возникновения разногласия между родителями вступало в действие правило о преимуществе Православной Церкви.

Новый закон должен был также разрешить вопрос о вероисповедании внебрачных детей и подкидышей (детей, родители которых были неизвестны). Согласно нормам, действовавшим до 1905 г., дети, чье происхождение было не установлено, должны были быть крещены и воспитываемы в православной вере. К православию должны были присоединяться все дети, находившиеся на попечении государственных воспитательных учреждений. Это было оговорено в параграфе 15 высочайше утвержденных 18 декабря 1890 г. Временных правил приема младенцев в Императорские Московский и Санкт-Петербургский воспитательные дома¹⁹³. Даже в тех случаях, когда подкидыши усыновлялись проживавшими в России иностранцами, принадлежавшими к иным христианским исповеданиям, усыновители должны были гарантировать их православное воспитание. Исключение было сделано для трех остзейских (прибалтийских) губерний: Эстляндской, Лифляндской и Курляндской. Там, в соответствии с высочайше утвержденным мнением Государственного Совета от 3 июня 1863 г., незаконнорожденные дети и подкидыши крестились по обряду того вероисповедания, к которому принадлежало лицо, принявшее их на попечение¹⁹⁴. Это была одна из уступок, сделанных в царствование Александра II Лютеранской Церкви, которая являлась доминирующей конфессией в тех регионах. Во всей остальной империи правило об обязательном православном воспитании детей неизвестного происхождения действовало вплоть до издания указа 17 апреля 1905 г. Четвертым пунктом этого указа было разрешено «христианам всех исповеданий принимаемых ими на воспитание некрещеных подкидышей и детей неизвестных родителей крестить по обрядам своей веры»¹⁹⁵. Нехристианам такого дозволения дано не было. Относительно того, каким должно быть вероисповедание внебрачных детей, чьи родители известны, прямых указаний в законах до 1905 г. не имелось. Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета от 14 марта 1906 г. было определено, что «внебрачное дитя, мать которого известна, может быть по ее желанию окрещено по обрядам ее вероисповедания»¹⁹⁶. Само

---

¹⁹³ ПСЗ–III. Т. X. № 7298. § 15.

¹⁹⁴ СЗРИ. Т. X. Ч. 1. № 163; ПСЗ–II. Т. XXXVIII. № 39705.

¹⁹⁵ ПСЗ–III. Т. XXV. № 26125. П. 4.

¹⁹⁶ ПСЗ–III. Т. XXVI. № 27559.

слово «окрещено» подразумевало принадлежность матери к христианскому исповеданию. Таким образом, вопрос о возможности для женщины-нехристианки воспитывать внебрачного ребенка в собственной вере продолжал оставаться в законе нерешенным. В этом случае могли возникать спорные ситуации, например, тогда, когда отец внебрачного ребенка являлся христианином, а мать, у которой он был на воспитании, придерживалась нехристианской религии.

Проект закона «О семейственных правах» предполагал распространение на иноверцев дарованного уже инославным христианам права присоединять к своей религии внебрачных детей и подкидышей. Его 16 статья гласила: «Нехристианам разрешается воспитывать в своей вере принимаемых ими на попечение некрещеных детей неизвестных родителей. Внебрачное дитя, рожденное от матери нехристианки, может быть присоединено к ее вере»¹⁹⁷. Предшествовавшая ей статья 15 касалась вопроса о религиозной принадлежности детей, воспитываемых вне семьи: «Вероисповедание некрещеных детей неизвестных родителей в тех случаях, когда никто не желает принять их на воспитание, определяется тем учреждением, на попечении коего они состоят»¹⁹⁸. Данная универсальная норма не отменяла установленное ранее правило относительно императорских воспитательных домов (где все питомцы должны были воспитываться в православии). Однако в случае принятия законопроекта появилась бы возможность создания в дальнейшем воспитательных учреждений, где действовали бы иные правила. К примеру, если бы учредителями подобных заведений выступили лица, приверженные неправославной религии, они имели бы право определять вероисповедание малолетних воспитанников в соответствии со своими предпочтениями.

Что касается изменений в действующем законодательстве, предусмотренных II–VI разделами законопроекта, то самым революционным из них должна была стать отмена предбрачных подписок, которые начиная с эпохи Петра I взи­мались с инославных христиан перед их венчанием с последователями господствующей Церкви (об отказе от покушения на веру православного супруга и о воспитании детей в православии). Упразднить предполагалось также подписки для супругов новокрещеных лиц и для мусульман и иудеев, вступавших в браки с лютеранами. В статье 1 раздела III говорилось об аннулировании уже данных подписок. В статье 2 того же раздела была предусмотрена возможность изменения вероисповедания детей от смешанных браков, которые уже были крещены в православие. Если эти дети еще не достигли семилетнего возраста, они могли

---

¹⁹⁷РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 693. Л. 50 об.

¹⁹⁸Там же.

по согласию обоих родителей быть присоединены к инославному исповеданию, которого придерживался один из супругов¹⁹⁹.

В записке по поводу законопроекта П.А. Столыпин писал о том, что условия, содержащиеся в подписках, находятся в противоречии с принципом свободы совести. В первую очередь это относилось к одностороннему обязательству инославной стороны не вмешиваться в религиозную жизнь православного супруга. «Требование выдачи такого обязательства от неправославного супруга представляется и крайне несправедливым, так как этим путем создается неправомерная защита религиозного вероисповедания супругов в смешанных браках: тогда как неправославные, состоящие в браке с православными, обязаны не поносить своих супругов за православие, ни склонять их чрез прельщение, угрозы или иным образом к принятию своей веры — на православного супруга такой обязанности не возлагается. Таким образом, закон как бы разрешает православному супругу употребить домашние миссионерские приемы в отношении своего неправославного супруга, недоступные последнему. Наконец, обсуждаемое обязательство представляется и противоречащим и началам свободы совести, согласно коим склонение к принятию своей веры не должно составлять наказуемого деяния, если оно не соединено с особыми условиями, предусмотренными законом»²⁰⁰. Безусловное обязательство о воспитании детей от смешанного брака в религии одного из родителей, по мнению П.А. Столыпина, также не согласовалось с идеей веротерпимости и религиозной свободы. Как уже говорилось выше, в законопроекте предусматривалась возможность определения вероисповедания детей в соответствии с соглашением супругов.

Проект закона «О семейственных правах» был одобрен Советом министров и 28 февраля 1907 г. внесен П.А. Столыпиным в Государственную Думу второго созыва наряду с другими законодательными представлениями, касавшимися религиозных вопросов²⁰¹. Правительственные вероисповедные законопроекты были переданы в специальную думскую комиссию, но Вторая Дума не успела рассмотреть ни один из них в общем собрании, поскольку была распущена императорским указом от 3 июня 1907 г.²⁰² Что касается законопроекта «О семейственных правах», то он еще до роспуска Второй Думы вызвал резкую критику со стороны Святейшего Синода. В синодальном определении от 28

---

¹⁹⁹ Там же. Л. 50 об.–51.

²⁰⁰ Там же. Л. 30–30 об.

²⁰¹ Дорская А.А. Указ. соч. С.86.

²⁰² Там же. С. 86–90.

февраля — 15 марта 1907 г. выразалось недовольство тем обстоятельством, что проектируемый закон предусматривал отмену запрета на браки православных с нехристианами и разрешение для них браков со всеми без исключения сектантами и старообрядцами (о позиции православной духовной власти по второму из указанных вопросов уже говорилось ранее). Кроме того, Синод был категорически несогласен с отменой предбрачных подписок и заявлял, что в случае, если правительство пойдет на такой шаг, Церковь более не будет считать себя обязанной венчать браки православных с инославными²⁰³. Таким образом, православные иерархи выступали за сохранение в законе норм, охранявших церковные канонические правила, что шло вразрез с основной идеей, заложенной в столыпинском проекте.

Заключение Синода по поводу законопроекта «О семейственных правах» было обсуждено на заседании Совета министров от 5 июня 1907 г. Совет министров признал, что «допущение во вносимых Правительством на уважение законодательных учреждений законопроектах каких-либо несогласованностей с высшею в Империи Церковною Властью представляется крайне нежелательным». Правительство выразило готовность принять формулу Святейшего Синода, в соответствии с которой православным могло быть дозволено вступать в браки «лишь с христианами (имелись в виду последователи инославных Христианских Церквей. — *И.А.*) и старообрядцами и сектантами, верующими в Господа Иисуса Христа как Сына Божия и Искупителя мира и имеющими правильно совершаемое водное крещение»²⁰⁴. Тем самым признавалась правомерность законодательного запрета на брачные союзы православных с некрещеными иноверцами и последователями тех направлений в старообрядчестве и сектантстве, где были искажены самые основы христианской догматики и обрядности. Таким образом, П.А. Столыпин был согласен пойти на частичный компромисс с церковными деятелями, закрепив в законе ограничения на смешанные браки, соответствующие каноническим нормам православия. Вместе с тем в вопросе о подписках премьер не желал идти на уступки. Как говорилось в том же самом постановлении Совета министров, «проектированная отмена означенных расписок и уничтожение юридической силы ранее выданных документов сего рода предудказаны общим смыслом Высочайших Манифестов 17 апреля и 17 октября

---

²⁰³РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 693. Л. 90–91.

²⁰⁴Там же. Л. 91.

1905 года, а сохранение их, внося существенное ограничение в область свободы совести, явилось бы несомненным шагом назад»²⁰⁵.

Синодалов такой компромисс не устраивал, сохранение предбрачных подписок являлось их главным требованием, и оно было подтверждено в новом определении Святейшего Синода, датированным 28 ноября – 8 декабря 1907 г. В нем подчеркивалось, что обязательства, предусматривавшиеся подписками (несовершение инославным супругом православного в свою веру и принадлежность детей к Православной Церкви) являются с точки зрения церковных канонов и вероучения непременным условием совершения смешанного брака. Члены Синода настаивали на том, что государство должно гарантировать соблюдение этих условий и подвергать их нарушителей уголовному преследованию. В конце вновь повторялась та же угроза, которая содержалась в предыдущем определении: «если это заключение не будет принято, и предположенная отмена существующих по сему предмету постановлений состоится, то Святейший Синод сочтет себя вынужденным, оставив за собою право в отдельных случаях благословлять смешанные браки, снять с себя обязанность давать благословение на эти браки»²⁰⁶. То есть, если бы гражданская власть пошла на отмену подписок и санкций в отношении их нарушителей, Синод мог предписать православному духовенству прекратить венчание смешанных браков или же ввести относительно таких браков существенные ограничения, допуская их лишь в «отдельных случаях» с особого разрешения высшей церковной власти (подобно тому, как это практиковалось в Католической Церкви).

Синод и правительство так и не смогли прийти к соглашению по данному вопросу. 21 января 1908 г. законопроект «О семейственных правах» был внесен П.А. Столыпиным в прежней редакции в Третью Государственную Думу. При этом, однако, он сопроводил проект специальной запиской, в которой была изложена позиция Святейшего Синода, выраженная в его определениях от 28 февраля – 15 марта и 28 ноября – 8 декабря 1907 г.²⁰⁷ В ней, в частности, говорилось, что Совет министров признает желательным, чтобы перед обсуждением законопроектов, направленных на развитие начал свободы «был заслушан голос Православной Церкви», поскольку эти проекты затрагивают ее интересы «самым существенным образом»²⁰⁸. Поскольку сам текст проектируемого закона

---

²⁰⁵ Там же. Л. 91 об.

²⁰⁶ Там же. Л. 93 об. –94.

²⁰⁷ Там же. Л. 95–96 об.

²⁰⁸ Там же. Л. 95.

был при этом оставлен без изменений, данный ход П.А. Столыпина можно расценивать как проявление дипломатии. Признание необходимости «выслушать голос Православной Церкви» являлось демонстрацией уважения к ней, но это не означало, что премьер призывал депутатов принять точку зрения Синода в качестве руководящей при обсуждении правительственного проекта. Наоборот, он, вероятнее всего, рассчитывал, что Дума, в которой были сильны позиции либералов (кадетов и октябристов) поддержит его реформаторские инициативы, а не консервативно-охранительную позицию иерархов Церкви. Расчеты эти были отнюдь не безосновательны, но их осуществлению помешали интриги в правящих сферах. В результате «министерского кризиса», разразившегося в апреле 1909 г. позиции П.А. Столыпина пошатнулись, и он вынужден был пойти на ряд компромиссов с консервативным крылом российской политической элиты. В частности, в качестве уступки Святейшему Синоду, а также поддерживавшим его позиции правым депутатам правительство в конце сессии Третьей Думы отозвало из нее два законопроекта: «Об отношении государства к отдельным вероисповеданиям» и «О семейственных правах»²⁰⁹. В письме к обер-прокурору С.М. Лукьянову премьер признал, что «большинство замечаний Синода без сомнения должны повлечь за собой исправление министерских законопроектов»²¹⁰.

Таким образом, запланированная П.А. Столыпиным модернизация брачно-семейного законодательства Российской империи (которая должна была затронуть прежде всего законы о смешанных браках) осталась неосуществленной. Надо сказать, что сходная судьба в конечном итоге постигла большинство столыпинских проектов, направленных на реформирование российского вероисповедного законодательства в духе начал свободы совести. Руководство Православной Церкви и консервативная часть политической элиты предприняли все усилия, чтобы затормозить процесс либерализации российских религиозных законов и не допустить ни малейшего ущемления привилегий «первенствующего и господствующего» вероисповедания. В итоге отечественная система государственного регулирования религиозных отношений вплоть до 1917 г. оставалась весьма консервативной по своему характеру. В сфере брачно-семейного права это проявлялось, прежде всего, в наличии множества законодательных норм, дублировавших церковные канонические правила и карательных санкций за их нарушение.

---

²⁰⁹ Дорская А.А. Указ. соч. С. 101.

²¹⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 39. Л. 346–346 об.

Консерватизм русского законодательства и правоприменительной практики проявлялся также в категорическом неприятии светской формы брака, существовавшей уже к тому времени в ряде европейских стран. При этом в ряде случаев гражданские процедуры вводились в систему русского брачного права. В качестве примеров можно привести полицейскую регистрацию браков русских раскольников, введенную законом от 19 апреля 1874 г., гражданскую метрификацию для баптистов, установленную законом 27 марта 1879 г., а также для мариавитов в соответствии с законом от 28 ноября 1906 г., замену огласительных свидетельств полицейскими удостоверениями для католиков, желавших обвенчаться с православными и протестантами, в соответствии с положениями от 11 мая 1891 г. и 14 марта 1905 г. Однако эти гражданские акты были предусмотрены лишь для отдельных конфессиональных групп, и, устанавливая их, русское правительство отнюдь не стремилось создать какую-то полноценную альтернативу церковной форме брака. В первых трех случаях целью государства было придать легальный статус супружеским союзам, заключавшимся в раскольнической и сектантской среде, не легализуя при этом обряды соответствующих вероучений. В двух последних случаях государственная власть стремилась облегчить заключение смешанных браков католиков с православными и протестантами (которым препятствовало католическое духовенство). Надо сказать, что здесь проявился тенденциозный подход Российского государства к брачному каноническому праву различных Христианских Церквей. В то время как соблюдение православных канонов строго охранялось законом и их нарушение каралось гражданскими, а иногда и уголовными санкциями, для католиков, напротив, были созданы все условия, чтобы они могли вступать в смешанные браки вопреки запрету своей Церкви. Такой подход не вполне соответствовал принципам правового государства. Закономерным с точки зрения правовой логики могло быть либо одинаковое уважение к правилам всех Церквей, либо, напротив, игнорирование гражданским законом всех внутренних церковных норм, размежевание между религиозным и светским брачным правом, что, в конечном итоге, должно было привести к введению института гражданского (секулярного) брака.

П.А. Столыпин выступал, по-видимому, за некий средний путь. Он был противником чрезмерного вмешательства государства во внутренние дела религиозных конфессий, считая неприемлемым навязывание инославным Церквям требований, противоречащих их внутренним нормам (эта его позиция была ясно выражена в ходе дискуссии со Святейшим Синодом в 1909-1910 гг. по

вопросу о венчании смешанных браков инославным духовенством) и одновременно выступая за отказ от фиксации в законодательстве специфических элементов церковного канонического права, а также от уголовных санкций против нарушителей церковных норм. П.А. Столыпин был убежден, что Православная Церковь должна, как и прежде, пользоваться в Российском государстве известными привилегиями и преимуществами, но при этом сферы действия светского и церковного права должны быть разграничены более строго. В частности, это касалось законов о браках. В перспективе премьер-реформатор считал необходимым и неизбежным введение в России гражданского брака, но согласен был отложить этот вопрос на неопределенную перспективу, поскольку общество и государственная элита еще не созрели для такого решения. Первоочередной задачей в глазах П.А. Столыпина было приведение существовавших брачных законов в соответствие с буквой и духом высочайших актов 17 апреля и 17 октября 1905 г., в которых были провозглашены в качестве основных начал религиозной политики государства веротерпимость и свобода совести. Религиозная свобода, объявленная в 1905 г., была ограниченной: для подданных империи, как и прежде, не допускалось невероисповедное состояние, сохранялось преимущество православия перед инославными Церквями и христианских конфессий перед нехристианскими. Русские секты и старообрядческие толки получили возможность легализации, но их правовое положение продолжало быть менее устойчивым, чем положение традиционных конфессий народов России, чьи права были определены в Уставах духовных дел иностранных исповеданий. Все эти обстоятельства были учтены П.А. Столыпиным при составлении законопроекта «О семейственных правах». Проект этот предусматривал сохранение религиозного характера института брака, но при этом существенно упрощал систему государственного регулирования отношений между конфессиями в случаях смешанных брачных союзов, а также расширял возможности для свободного определения родителями и воспитателями вероисповедания детей. В нем устанавливались универсальные правила, касавшиеся почти всех возможных ситуаций межконфессиональных браков.

В известном смысле можно сказать, что П.А. Столыпин сделал попытку привести в систему те принципы, которые уже присутствовали в русском законодательстве, касавшемся вероисповедной и семейной сферы. Спроектированный им закон гарантировал преимущества Православной Церкви перед неправославными исповеданиями, «признанных» Церковью перед маргинальными религиозными группами («сектантскими обществами»), наконец, христиан-

ских религий перед нехристианскими. Подобный подход соответствовал основным началам, на которых строилась вся система регулирования государственно-конфессиональных отношений в России в том виде, в каком она сложилась к рубежу XIX–XX вв. Вместе с тем, закон, предложенный П.А. Столыпиным, предполагал известную либерализацию гражданских правовых норм, касавшихся браков между лицами различных конфессий. В частности, доминирование Православной Церкви в ситуациях смешанных браков, в соответствии с ним, должно было стать менее жестким и безоговорочным. Именно этот аспект предполагавшейся реформы семейного права вызвал наибольший протест у православной духовной власти. Святейший Синод не мог смириться с отменой предбрачных подписок, которые в его глазах были главной гарантией соблюдения прав и интересов господствующей Церкви при заключении браков православных с инославными.

Угроза Синода прекратить или существенно ограничить венчание смешанных браков в случае, если бы государство отказалось от законодательного принуждения инославных супругов к соблюдению условий, предписываемых им Православной Церковью, в сущности, не должна была рассматриваться П.А. Столыпиным как препятствие к осуществлению задуманной им реформы. Неоднократно декларировавшийся им принцип невмешательства государства в вопросы, находящиеся в ведении духовных властей, по идее должен был распространяться не только на инославные исповедания, но и на православие. Если бы гражданская власть отменила законы о предбрачных подписках и ряд других законоположений, оградивших интересы Православной Церкви посредством мер административного и уголовного характера, Церковь действительно имела бы полное основание для того, чтобы обеспечить свои интересы самостоятельно, в частности пересмотреть существовавшие правила о венчании межконфессиональных браков. В этом случае правительство не должно было иметь к ней никаких претензий. В условиях свободы совести государство могло, как и прежде, обеспечивать православие режим наибольшего благоприятствования по сравнению с прочими конфессиями, но сохранение за канонами господствующей Церкви статуса юридически обязательных норм (которые распространялись и на лиц иных исповеданий, вступающих в супружеские союзы с православными) действительно противоречило идее веротерпимости. Освобождение Православной Церкви от гипертрофированной опеки самодержавного государства, которое, с одной стороны, гарантировало ей большое количество привилегий и преимуществ, а с другой — лишало ее внутренней свободы и само-

стоятельности, являлось процессом закономерным и исторически неизбежным. Тем не менее, значительная часть как церковных, так и государственных деятелей дореволюционной России крайне болезненно воспринимала всякий намек на ослабление связи между самодержавием и православием. Поэтому намеченные П.А. Столыпиным преобразования в области «семейственных прав» (также как и другие проектировавшиеся им реформы в области вероисповедного законодательства) встретили столь мощное сопротивление.

В результате брачно-семейное право Российской империи после 1905 г. сохранилось в практически неизменном виде по сравнению с предшествовавшим периодом. Поправки, внесенные в него, касались преимущественно семейных отношений старообрядцев и русских сектантов: были официально узаконены брачные обряды, совершавшиеся в их религиозных сообществах, кроме того представителям этих категорий верующих были дозволены браки с православными (условия заключения которых были установлены в определении Святейшего Синода от 26 октября – 9 ноября 1905 г.). Важным шагом в направлении реализации начал веротерпимости в брачно-семейной сфере была объявленная в соответствии с положениями Совета министров, изданными в начале 1907 г., легализация супружеских союзов лиц, бывших ранее номинально православными, заключенных по обрядам их подлинной религии, а также браков старообрядцев и сектантов, не внесенных в метрические книги. Во всех остальных вопросах наблюдалось торжество охранительных принципов. Даже, казалось бы, очевидное с точки зрения здравого смысла положение о зависимости религиозной принадлежности несовершеннолетних детей от вероисповедания их родителей, в силу его недостаточно продуманной формулировки в указе 17 апреля 1905 г., получило двусмысленно-казуистическое толкование. В ряде случаев складывалась ситуация, когда, несмотря на принадлежность обоих родителей к инославному исповеданию, дети, в соответствии с постановлениями органов государственной власти, подлежали воспитанию в православной религии.

Безусловно, законы Российской империи о семейных отношениях, в случае мирного эволюционного развития страны, должны были рано или поздно подвергнуться более глубокому и системному реформированию. Однако возможность такого реформирования была перечеркнута революцией 1917 г. Большевицкая власть своими декретами совершенно изъяла сферу брачного права из ведения религиозных организаций, установив общеобязательный гражданский брак. Влияние данной радикальной реформы на нравственное сознание народа следует признать скорее негативным, чем позитивным. Вместе с тем, не

следует впасть в идеализацию законов о браке и семье, существовавших в до-революционный период. Законы эти уже во многом не соответствовали потребностям своего времени и нуждались в существенном преобразовании, необходимость которого, к сожалению, не в достаточной мере осознавалась правящей бюрократией и духовной властью Русской Православной Церкви. Российская политическая элита и церковная власть демонстрировали в данном вопросе (как и во многих других) негибкий и нетворческий консерватизм, с позиций которого даже вполне конструктивные и умеренные реформы воспринимались как покушение на устои православия и самодержавия. Этот подход привел к отклонению многих прогрессивных реформаторских проектов П.А. Столыпина, в том числе и того, который касался «семейственных прав».

Источники и литература

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 796. Канцелярия Святейшего Синода.

1. РГИА. Ф. 796. Оп. 190. 4 отд. 3 ст. Д. 210. Дело по поводу распоряжения Католикоса и Патриарха всех армян, воспрещающего лицам армяно-григорианского исповедания вступать в браки с православными. 11 марта 1909 г. – 14 января 1911 г.

Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД.

2. РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 348. Дело о разъяснении Эчмиадзинскому (армяно-григорианскому) синоду порядка крещения по армяно-григорианскому обряду лиц инославных и иноверных исповеданий, а также детей от смешанных браков православных с армяно-григорианами. 13 января 1911 г. – 3 октября 1917 г.
3. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 39. Дело о разработке законопроекта о свободе совести и о рассмотрении прошений и телеграмм разных отделений Союза русского народа и духовных лиц с протестами против рассмотрения Государственной думой вопросов вероисповеданий. 13 июня 1906 г. – 1910 г.
4. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 583. Представление министра внутренних дел в Государственную думу и доклад Комиссии по вероисповедным вопросам Думы к разработке законопроекта об инославных и иноверных религиозных обществах и о сектантских и старообрядческих общинах. 20 февраля 1907 – 1911 г.

5. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 604. Дело об установлении правил заключения браков между лицами разных иностранных исповеданий и о расследовании случаев противодействия католического духовенства бракам католиков с православными. 28 марта 1835 – 1914 г.
6. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 614. Дело о рассмотрении случаев противодействия римско-католического духовенства заключению браков католиков с протестантами и об изменении порядка заключения подобных браков. 7 июня 1866 г. – 31 марта 1910 г.
7. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 626. Дело о рассмотрении прошений разных лиц, в том числе иностранных подданных, о расторжении браков, заключенных по обряду Англиканской Церкви. 23 ноября 1877 г. – 2 сентября 1909 г.
8. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 630. Дело о рассмотрении прошений разных лиц о признании законными в России браков, заключенных за границей гражданским порядком и детей от этих браков. 22 июня 1880 г. – 4 марта 1909 г.
9. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 643. Дело о разрешении разным лицам воспитывать в расколе детей от браков лютеран со старообрядцами. 16 ноября 1885 г. – 16 марта 1896 г.
10. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 693. Дело о разработке законопроекта о браках между лицами разных исповеданий и об исповедной принадлежности детей от них. 19 января 1907 г. – 2 декабря 1909 г.
11. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 710. Дело о разрешении браков отдельных лиц армяно-григорианского и римско-католического исповедания с старообрядцами. 27 ноября 1911 г. – 12 февраля 1912 г.
12. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 780. Дело об установлении и введении в действие временных правил ведения метрических книг для баптистов. 21 декабря 1876 – 27 июля 1881 г.
13. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 812. Дело о выяснении и установлении порядка ведения метрических книг старообрядцев и сектантов и выдачи выписей из них 7 июня 1909 г. – 14 сентября 1910 г.
Ф. 1276. Совет министров (1905–1917).
14. РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 593. Материалы «Особого совещания для согласования действующих узаконений с указом 17 апр. 1905 г по делам веры». 31 мая 1906 – 10 февраля 1911 гг. «Сборник материалов по вопросам о смешанных браках и о вероисповедании детей от этих браков». СПб., 1906 г.

15. РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 604. Об издании временных правил об узаконении браков, заключенных по неправославным обрядам. 2 августа 1906 г. – 2 февраля 1907 г.

Законодательные акты

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830–1851. Т. VI.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830–1885. Т. XVII, XXXVIII, XLIX, LIV.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. СПб.: Государственная типография, 1885–1916. Т. VIII, X, XI, XXV, XXVI, XXVII, XXXIII.
4. Свод законов Российской империи. Полный текст всех 16 томов, согласованных с последними продолжениями, постановлениями, изданными в порядке ст. 87 Зак. Осн. и позднейшими узаконениями. Под ред. и с примеч. И.Д. Мордухай-Болтовского / Сост. Н.П. Балканов, С.С. Войт и В.Э. Герценберг. Кн. 1–5. СПб., «Деятель», 1912–1914.
5. Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: Сенатская типография, 1903.

Сборники документов

1. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906 год / Отв. сост., введ., примеч., руковод. проекта Б.Д. Гальперина. М.: РОССПЭН, 2011.
2. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1907 год / Отв. сост., введ., примеч., руковод. проекта Б.Д. Гальперина. М.: РОССПЭН, 2011.
3. Сборник материалов по вопросам о смешанных браках и вероисповедании детей, от сих браков происходящих. СПб.: Государственная типография, 1906.

Литература

1. *Белов Ю.С.* Правительственная политика по отношению к неправославным вероисповеданиям в России в 1905–1917 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: 1999.
2. *Бердников И.С.* Вторая заметка по вопросу о раскольническом браке. Отдельный оттиск из журнала «Православный собеседник» за 1896 год. Казань, 1896.
3. *Дорская А.А.* Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2001.
4. *Никольская Т.К.* Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009.